

18+

ТЯЖЁЛАЯ РУКА МАКАРОННОГО БОГА

МАРИЯ ГОРНОСТАЙ

Мария Горноста́й

Тяжёлая рука макаронного бога

<https://litres.ru/74149318>

ISBN 9785007001731

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

2185 год. Мир после биологической катастрофы: корпорации правят всем, «чистые» вымирают, а биометрия заменяет паспорт. Безымянный мужчина приходит в себя на берегу реки. Он не помнит ни своего имени, ни прошлого, а сканеры в городе выдают одну и ту же ошибку «БИОМЕТРИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ НЕ НАЙДЕН».

При себе у него — платок в цветочек и блокнот с расшифровками «гула» загадочной антенны, которую местные культисты называют «Гласом Бога».

Теперь ему предстоит выяснить, чем он является на самом деле.

Содержание

мэлоун!	5
17.00?	5
00.00?	7
5.09, 12.00?	8
5.09, 18.13	10
12.08.2185	11
17.08.2185	48
22.08.2185, 03.43	58
22.08.2185	68
24.08.2185	92
26.08.2185	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Тяжёлая рука макаронного бога

Мария Горностай

© Мария Горностай, 2026

ISBN 978-5-0070-0173-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

мэлоун!

17.00?

Как мне страшно!

Я же должен это все записать, должен, иначе как я расскажу все это врачам, когда вернусь домой? Я очень хочу домой. Все сейчас бы отдал, лишь бы оказаться дома. Нужно все это записать, иначе я что-то забуду, упусти.

Сперва я толком ничего не видел — будто смотрел сквозь сметану или несколько натянутых пакетов. Мне было очень страшно, потому что боль я почувствовал прежде, чем смог что-то увидеть. Кости очень болели, все, всё тело болело, будто его на кусочки раздробили, будто я сам по себе один большой перелом. Голова ужасно болела, все болело так сильно, что я не мог и подумать, что могу ощутить такую боль. Все это точно забудется, потому что такое не запоминается!

Потом вода, ледяная... Я ее почувствовал второй, она чуть притупила боль, но я, кажется, упал, ударился о камни, меня куда-то понесло: я всё ещё ничего не видел, но, видать, был в реке. Я стал хвататься, лишь бы ухватиться хоть за что-то, лишь бы не задохнуться. И ухватился. За ветку, за корень? Я не знаю.

Зрение немного прояснилось, я выполз на берег, откашлялся. Чем-то нехорошим я кашлял, но я не помню чем. Я ничего не помню совсем...

Мне обязательно кто-нибудь поможет.

Это главное! Я не забуду это. Я вернусь и скажу, что ничего не помню!

00.00?

Я ската нашел. Почти живого ската, нашел — и полетел. Мне было очень страшно, я же не умею летать, и я не знаю, куда лететь... Куда-нибудь подальше отсюда. Домой.

5.09, 12.00?

Я узнал, какой сегодня день и вернулся в город. Сегодня пятое сентября. Значит, позавчера было третье.

Я мельком видел свое отражение в витринах, но почему-то боялся смотреть. Боялся себя не узнать. И все-таки я набрался смелости, забежал в какой-то туалет, посмотрел на себя зеркало.

Ни одна черта не симметричная. Нос с горбинкой, но кончик был скошен влево. Глаза... Боже, глаза! Цвет был один, карий, но разрез! Левый глаз был чуть более раскосым, с приподнятым внешним уголком. Правый — с прямым, тяжелым веком. Оттого получалось странное, неопределенное выражение. Брови тоже не совпадали — одна лежала ровной дугой, другая была немного ломанной. Но обе очень густые.

Я отошел от зеркала, схватился за ручку двери, чтобы не упасть. Потом снова посмотрел, уже вглядываясь в детали.

Губы у меня пухлые, челюсть какая-то узкая... Зубы — длиннее и острее, чем обычно, но это же вариация нормы, так? Почти у всех сейчас такие хорошие зубы...

Я потрогал себя за шею и почувствовал какой-то странный нарост за ухом. Обернулся, посмотрел поближе, испугался и постарался закрыть всё волосами.

Затрясло меня всего... Я в панике влетел в кабинку, захлопнул дверь и начал срывать с себя одежду.

Руки! Я вытянул их перед собой — левую и правую. Ни один палец на одной руке не совпадал по длине с таким же на другой! Указательный на правой был длиннее. Мизинец на левой — кривее. Костяшки... на одной руке они были крупными, узловатыми, на другой — более гладкими. Почему так? Плечи! Одно плечо было чуть выше другого. Грудь и живот! Кожа была неоднородной. В одном месте гладкой, в другом — покрытой мелкими шрамами. Откуда они все у меня?

5.09, 18.13

У меня биометрии нет.

Совсем нет.

И меня никуда не пускают — везде эта дурацкая ошибка:
«БИОМЕТРИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ НЕ НАЙДЕН».

Я не знаю, что делать. У меня нет денег, нет документов, еще и в системе меня нет. Я схожу с ума от голода и страха. У меня никаких зацепок нет. Никаких личных вещей. Только этот блокнот, который я во внутреннем кармане куртки нашел. В нем я и пишу. А до моих записей — тут куча расшифровок каких-то... Я не знаю, что это за расшифровки.

Куда идти? В органы? В органы, без биометрии?

Подслушал на вокзале про «ночлежку для таких». Для каких таких?

Пойду искать.

Сделаю вид, что я сейчас не читал все вышенаписанное.

Кто бы мог подумать, прошел уже почти год.

Время летит очень быстро, а я уже и забыл об этих записях. Я помню, что вырвал эти страницы из этого несчастного блокнота, запихал их в эту книжку, а потом потерял ее. Мне кажется, было еще несколько записей, но они, похоже, утеряны. И слава богу: такого стыда я бы не вынес. Я то и сейчас еле стою на ногах.

Не знаю, почему старые записи вызывают у меня такое отторжение. Я бы понял, если бы я стал хоть на каплю умнее, добился чего, сделал что-то выдающееся или вдруг резко всё вспомнил — тогда бы вся эта писанина заслуженно могла бы зваться позорищем. Но я остался всё тем же.

За этот год много чего произошло. Попытки встать на ноги у меня были, и все шло даже неплохо, но сегодня все полетело коту под хвост. Положение у меня сейчас примерно такое же, как в октябре восемьдесят четвертого.

Ночлежку, конечно, тяжело забыть.

Была там девушка, чистая, с ребенком, мальчиком лет пяти. Смотреть на нее без слез было невозможно: она была вся бледная, в синяках и с трудом дышала. Мальчик ее постоянно кашлял красным кашлем. Глухо, болезненно и раздражающе. Все смотрели на его мамашу с таким укором, будто

он заболел ржавейкой по ее вине, а она — мало того, что допустила это, так еще и назло привела его в ночлежку, где честные граждане отчаянно пытались выспаться. Мамашка же его и сама не была к нам всем равнодушна: контингент ночлежки определенно пугал ее.

Ну и чего она только поперлась в эту ночлежку?..

Недавно слышал где-то, какие-то учёные сказали, что через пару лет уже не останется никаких чистых. Хотя они так десятками лет говорят. А они все не вымирают...

Неважно, это в общем: напротив меня сидел дедок забавный. Не знаю, что с ним стало, но модификация его свернула куда-то налево. Он весь был покрыт твёрдыми, коричневыми наростами — почти древесной корой, и не мог ни руки, ни ноги нормально сгибать. Зато он спал голым на одеяле-стекловате, не стесняясь ни детей, ни женщин, и, кажется, совсем ничего не чувствовал. Я видел, как он чиркнул спичку об собственную голень, чтобы сигарету поджечь.

Из более-менее нормальных там была девица. Она не умирала, но постоянно жевала эту жвачку дурацкую, из грибных мицелиев! Как я ее ненавижу. Не знаю почему, но меня просто воротит от ее запаха. Я понимаю, что она голод уделяет на пол суток, что она самая дешёвая в сегменте, но от нее изо рта потом пахнет, как из влажного погреба. Я с этой девицей даже не говорил и в рот ей тем более не заглядывал. Но даже с расстояния пары метров слышал, как у нее изо рта пахнет.

Буквально через пару дней в ночлежке этой случилось по-

боище: мужик этот деревянный не поделил что-то с парнем из соседней комнаты и порезал его ножом. Приехали менты, начались разборки, и я быстро оттуда свалил.

Недели две я откровенно бродяжничал и бомжевал: спал в каких-то барах, на лавочках, бился головой об стену в церквях. Я отчаянно старался хоть что-то вспомнить, но все бесполезно. Надеялся, что ко мне внезапно придет озарение, и жизнь моя мгновенно наладится.

За дни бесцельных скитаний я окончательно убедился в том, что проблема с моей биометрией была не разовой акцией. Каждые пол дня я убеждал себя в том, что я — бездарь, случайно приложил палец к сканеру не под тем углом — и с честной, искренней надеждой пытался расплатиться в магазине за хлеб. Больше всего я мечтал увидеть плашку о том, что на моем счету недостаточно средств, но сканеры поголовно зависали и выдавали фатальное — «биометрический профиль не найден», отчего все смотрели на меня, как на насильника, диверсанта и тому подобное.

От горести я пропил оставшиеся деньги и уже готов был пойти в органы, но с дуру рассказал эту историю своим собутыльникам. Грузный, уса́тый мужик отругал меня и грубо намекнул, что я — дебил, и ни в какие органы мне идти ни в коем случае не стоит.

— Мальчик, — сказал он мне, — ты это просто забудь. Если тебя в системе нет — поверь, лучше не разбираться. Они быстро найдут способ закрыть это вопрос побыстрее.

Тогда я понял, что моя единственная зацепка — этот несчастный блокнот в кожаном переплете. Я перелистал его десятки раз, пытаясь разобраться в этой бессмыслице.

Не знаю, как мне только хватило смелости показать его тому мужику. Бессмыслица, но моя, родная!

Он завертел его в руках, как жалкую газетку, и я едва не накричал на него — сам не знаю, почему. Я тогда был немного пьян.

— Откуда это у тебя? — Спросил он, перелистывая странички своими грязными, жирными, свинячьими пальцами.

— Нашел. — Я сказал первое, что пришло в голову.

— Есть легенда такая городская... — Начал он нарочито загадочным тоном. — Слышал, может, о Маяке Судного дня?

И тут меня осенило. Нет, не осенило — мне вспомнилось.

Маяк Судного дня — это такой шпиль в тридцати километрах. Антенна подземного центра ПВО. Дизель-генераторная. Низкочастотные вибрации, электромагнитный гул.

Я же все это знал! Слова, схемы, образы — всё это всплыло в моем сознании само собой, стоило ему произнести эти слова. От этого стало не по себе. Откуда я это знаю? Я ведь ничего не помню! Но это... это было также очевидно, как то, что небо голубое...

Я то ли покачал головой, то ли ответил что-то ещё для вида — и он принялся с важным видом пересказывать мне обрывки городских мифов. Меня стало это так раздражать!

Я и сам знал легенду, а он то и дело нес пургу.

А легенда была такая: мол, существует целый культ, почитающий Маяк. Эти люди якобы живут в лесу и всю свою жизнь посвящают расшифровкам сигналов «Жужжалки». Я не был уверен, что этот культ существует на самом деле, но когда мужик принялся бессознательно теребить мой блокнот, я резко выхватил его у него из рук и накричал на него, будто он силой отобрал его у меня, взял без разрешения.

И что же это выходит, я — тот самый сумасшедший, который всё это про Маяк знал? Не могу сказать, что эта мысль вызвала у меня восторг. Скорее, горькое недоумение. Какое-то унылое, технарское хобби. Но к блокноту я и вовсе стал испытывать двоякие ощущения — бессмыслица бессмыслицей, и все-таки... я ужасно боялся его потерять!

Тот алкоголик, конечно, смутился моей реакцией. Я бы и сам ей смутился. Готов признать — повел я себя неадекватно: напился, рассказал о проблемах с биометрией, вручил ему блокнот с расшифровками Жужжалки, а потом обматерил его за то, что он посмел его взять. Он оказался не из терпил и с силой толкнул меня. Я, пьяный в стельку, упал и почти покатился по косогору.

Недолго думая, я собрался в путь. Мне нужно было увидеть Жужжалку любой ценой — к тому же, что я прекрасно знал, где ее искать. Я собрал все необходимое для похода — взял верёвку, немного еды, заранее решил вопрос с патронами, даже раздобыл парочку припарок на всякий пожарный.

Потом я купил билет на автобус (точнее, попросил какую-то женщину его купить, так как на междугородних автобусах не принимали наличку), и мы выехали.

Я и не думал, что автобус окажется таким странным местом. Контингент здесь был уже не ночлежечный, а скорее... рабоче-деловой. Специалисты с чемоданчиками, набитыми инструментами для починки вышек связи, торговцы в прорезиненных плащах, везущие баулы с товаром в приграничные поселки. И в отличие от меня — все с биометрией. Рабочие, другими словами. У многих были базовые, утилитарные модификации — усиленные надбровные дуги, защищающие от случайных ударов, или шибко бледная кожа, невосприимчивая к кислым спорам.

Когда мы выехали за город и приблизились к границе, все засуетились. Водитель хриплым голосом объявил: «Граница через пятьсот метров. Герметизацию не открывать, фильтрацию не отключать». Окна сами собой заблокировались, по всему салону пополз ветерок...

Я смотрел в окно, как замороженный. Чем дальше от города — тем больше мне нравились пейзажи. Серое небо, ядовито-зеленые леса, странные, перекрученные деревья... Я уже представлял, как я бегаю там на всех четырех лапах.

Я ехал на автобусе! Видел новые места! Наверное, это был первый раз, когда я был по-настоящему счастлив.

Дождлся я своей остановки и вышел. Это было какое-то зачуханное село, и тут тоже была своя Аура, но слабая.

На горизонте за полем была темная полоса леса. Немедля, я тут же свернул с автовокзала, прыгнул с грунтовой дороги в траву по пояс. Все это поле было усеяно фиолетово-бурым стальным хвощем. Стебли его — как резина, так что каждый шаг давался с трудом, однако я быстро приспособился. Все мои штаны стали липкие, но мне, признаться, было плевать. Его сок содержит слабый нейротоксин. Если попадет в открытую рану — вызовет слабое онемение. Но выглядит он величественно.

Помню, что пока я шел, над полем пролетела стая стеклянных стрекоз. У них размах крыльев с мою руку. Их крылья не прозрачны, а работают как призма, ослепляя добычу вспышками радужного света. Я засмотрелся и чуть не наступил на бедного камнехода. Он действительно как помесь допотопных ежа и черепахи. А у него на панцире наросты настоящего базальта. Если его потревожить, он выделяет облако едкой пыли. Совершенно безобиден и очарователен, если не лезть к нему в пасть.

Радовался я, как ребенок. И плохо мне вовсе не было. Наверное, в моем геноме тоже каша. И деревья я очень люблю, а как их не любить, если они такие красивые? Мне особенно нравится, как под ногами хрустят хитиновые чешуйки, которые они сбрасывают. И все трещит, щелкает...

Улыбался я, как дурак. Смотрел на тварь с шестью глазами и клешнями, способную перекусить мне лодыжку, и думал, какой у нее милый полосатый носик.

Я знаю их всех. Знаю, что эта лиана, свисающая с ветки, не ядовита, а ее сок можно пить. Знаю, что ярко-оранжевый гриб вон там смертелен, а вот этот синеватый, похожий на мозг — мощнейший антибиотик. Причем, почему-то названия я помню далеко не все...

Жужжалка действительно жужжала, причем — достаточно громко. Последние сто метров слышно ее было особенно хорошо.

Как-то так я ее и представлял: ржавый шпиль старой антенны, толщиной со ствол огромного дуба, вздымался в небо. Он был весь в потеках ржавчины и птичьего помета, а кое-где по нему ползли лианы. Я не испытал восторга или удивления — скорее принял ее, как данность.

У его подножия лежало тело самого комплекса — груда обвалившихся бетонных плит, скрученных металлических балок и полуразрушенных стен, поросших ядовито-зеленым мхом. Из-под одной из плит тянулся толстый, обмотанный изолентой кабель, все еще соединенный с основанием антенны. Вот оттуда она и гудела по большей части.

Я обошел эту несчастную антенну несколько раз — и был разочарован, мне так ничего и не вспомнилось. Никаких прозрений, никаких эмоций. Антенна и антенна — на этом все. Уходить я, конечно, сразу не собирался. Я слушал ее, пытался вычленить что-то — короче, всей душой надеялся, что озарение все же придет. Наступила ночь. Метрах в ста от Жужжалки я разбил лагерь.

Я все пытаюсь подвести к Альфреду...

Вся эта история с блокнотом и Жужжалкой подводит к крайне неоднозначной полосе моей жизни. Все это случилось очень быстро: я проснулся на утро от того, что услышал нехарактерные звуки. Инстинктивно я подумал, что меня уже хотят сожрать, схватился за пушку, вскочил и закрутил головой по сторонам. И я увидел их: это были четверо людей в походном снаряжении — высоких сапогах, в облегающей, плотной одежде. Вооруженные. Они увидели меня и испугались, как дети — сразу достали свои стволы, завопили. Но я-то не промах — тоже завопил и замахал пушкой, чтобы они поняли, с кем имеют дело. Среди всех их криков я расслышал главную претензию — мол, это «их» территория, и ошиваться рядом с Жужжалкой нельзя.

Я спросил, кто они такие, и тогда один из них, особенно напыщенный, сделал шаг вперёд и гордо заявил, что они — покровители и приспешники Маяка.

Недолго думая, я показал им свой блокнот.

Этот человек — который особенно напыщенный — его, в общем, зовут Альфред.

Он редкостная бестия, и я никому не пожелаю иметь с ним дело. Не сказать, что Альфред плохой или злой. Он, мягко говоря, немного избалованный, эгоцентричный и как говорится — «не от мира сего». Ему, если я не ошибаюсь, лет двадцать семь.

Ай, сперва расскажу про саму Жужжалку! Культ Маяка,

если выразаться корректнее, но у меня язык поворачивается называть их так официально после всего того, что я о них узнал... Короче, культисты Маяка считают, что Жужжалка — это не просто машина. Это, можно сказать — уста Мира, последний орган речи умирающей планеты, а ее гул — это сложное, многослойное послание, которое содержит в себе ответы на все вопросы во Вселенной. Их главная цель — расшифровать жужжания и исполнить волю Маяка.

Мне рассказали, что не так давно (по смешной иронии, буквально за пару месяцев до моего знакомства с культом) всем этим управлял отец Альфреда. Но потом он почему-то куда-то уехал, и Альфред остался за главного. И, как я понял — именно в этот момент Культ Маяка стало корректнее называть Культom Жужжалки.

«Расшифровка» сводилась к тому, что они записывали гул на разные носители, а потом устраивали «сеансы толкования», где каждый говорил первую чушь, которая пришла в голову. Альфред, как лидер, выбирал версию, которая ему больше всех понравилась. Часто самую драматичную или нелепую. Этих огоньков я пережил столько, что почти втянулся. Кроме того, они пытались подкармливать Маяк, закапывая у его основания свои поделки — вырезанные из дерева символы, кости животных... Я помню, как однажды Альфред заставил нас закопать старый работающий патефон, потому что ему «показалось, что Маяку будет приятно послушать музыку». Делалось все это, разумеется, с виз-

гами и криками, потому что Альфред по-другому не умеет, а если кто-то не дай бог решал с ним поспорить — это вообще превращалось в черти что. Ну и самое главное: они вели огромную летопись, куда записывали все — от изменений в гуле до того, кто кого сегодня обыграл в карты.

Так вот я со своим толстым дневником, в котором были запечатлены все последние жужжания ЗА ПОСЛЕДНИЕ ВОСЕМЬ ЛЕТ, само собой показался Альфреду медиумом, пророком с большой выслугой лет. Когда я дал ему его в руки, его глаза загорелись диким восторгом, и я был принят в культ почти сразу же и с большим почетом. Я не уверен, могли я вообще отказаться, но благо — тогда мне было не зачем отказываться — я еще ничего не знал о культе, ничего не знал о себе, а Жужжалка была моей единственной зацепкой. Так я и стал частью этого болоньеze.

Теперь же про Альфреда: его отец, основатель культа, фанатик старой закалки, воспитал его в лесу, вдали от «разлагающей цивилизации». Но вместо сурового выживальщика получился... Альфред. Хотя выживал он в целом неплохо, культ был для него личной детской площадкой...

Признаться, сперва мы очень подружились. Первые недели мне все это нравилось. После одиночества, ночлежек и страха быть пойманным, эта лесная коммуна с ее абсурдными ритуалами показалась мне... забавной. Как будто я попал в летний лагерь для взрослых, тронутых умом. Мы ходили на охоту, я мог блеснуть своими «врожденными» знаниями

о флоре и фауне, вечерами играли в карты, а Альфред благословил меня, как мессию, ставил в пример другим, советовался со мной, делился переживаниями. Мне льстило это внимание. Я нравился ему, а он — мне, и месяц-другой мы с ним вместе играли в эту песочницу.

Но все же были у него моменты. Он умел командовать, но не умел вести диалог. Он мог с искренним интересом спросить о твоих чувствах, а через минуту приказать мыть посуду, потому что ему так захотелось.

Еще была у них одна страшная традиция — банные бои. Баня была отдельным домиком в лесу, и они топили ее строго по расписанию. Сперва все мылись, а потом — тянули жребий. Все, кроме Альфреда, разумеется. Те, кто вытягивал две половинки короткой спички, должны были устроить бойню. В бане, голыми.

Удивительно, но в культе Жужжалки не было ни одной женщины.

Я эти бани просто ненавидел, умолял Альфреда их отменить, но он лишь хмурил брови и говорил, что я, во-первых, отказываюсь от очищения, а во-вторых — иду против воли Маяка, который, якобы, «нашептал» ему этот ритуал для укрепления духа. Думаю, комментарии здесь излишни.

И ведь многие в культе терпеть не могли эти бани, но молчали. Потому что Альфред — сын Основателя. А Основателя они боготворили и ждали его возвращения, как второго пришествия. Так что все смотрели на выходки Альфреда

сквозь пальцы, как на временное недоразумение. Мне не раз говорили, что культ «переживает сложное время», «раньше было по-другому», а я вообще «неудачно сюда попал». Так я поверил им, что их культ когда-то был нормальным! Но если честно, я даже не знаю, что хуже: бегать вокруг Жужжалки, размахивая руками, как Альфред, или изучать ее с вопиющей скрупулёзностью, как это, по словам всех, делал его отец...

Еще у Альфреда была «шабака», точнее чумной волчок. Он пытался воспитать ее, глушил растворителем и все думал, чем бы заменить незаменимые гены одомашнивания... Растворитель не одомашнивал ее, и она от него явно мучилась, но Альфред говорил всем, что ей «нормально». Впрочем, он искренне так считал и любил ее всем сердцем, и, что парадоксально — «шабака» тоже почти что любила его, но любовью немного специфичной — такой любовью, какой может любить человека дикий зверь.

Но однажды ее сожрал тигр. Альфред ревел, наверное, недели две.

Это случилось на третий месяц моего пребывания в культе. И как раз во время этой двухнедельной истерики Альфреда, я начал понимать, что занимаюсь чем-то не тем. Я искал ответы, а нашел... Альфреда. Моя зацепка с Жужжалкой привела меня в тупик, обставленный бредовыми ритуалами и банными побоищами. Я понял, что это не мое. Может быть, конечно, раньше я увлекался Жужжалкой... Не знаю, какой

камень упал мне на голову, но теперь — это точно не мое!

Я решил, что мне нужно уйти, и подкараулил Альфреда, когда он один чистил своего нового, еще не угащенного растворителем, щенка.

— Альфред, мне нужно уехать. — Сказал я как можно более нейтрально. — В городе... еще остались дела.

Он не сразу ответил, продолжая водить щеткой по шерсти животного.

— Какие дела? — Наконец спросил он, не глядя на меня. — У тебя же нет дел.

Зря я тогда, наверное, сказал про город. Альфред до ужаса боялся всего, что было связано с цивилизацией. Его отец, видимо, в детстве так запугал его «людьми в форме, которые забирают в темницу за незаконные строения», что эта фобия въелась в подкорку.

— Биометрия. — Брякнул я.

— Ты не понимаешь... Ты не можешь просто взять и уйти. Ты же носишь знания, там восемь лет записей... Если ты уйдешь, ты унесешь с собой часть Голоса и предашь его. А предателей... — Он не договорил, но все было ясно. Потом он встал и подошел ко мне вплотную. — Ты останешься.

Тут-то до меня окончательно доперло, что он поехавший. Я знаю, что доходит до меня поздно! Я тогда не нашел, что ему ответить, и мы разошлись. Но где-то через пару недель я снова поднял этот вопрос. Альфред разозлился, а тут, как назло, была пятница. В наказание он отменил жеребьевку и

лично поставил меня в пару с самым огромным мужиком, чьи кулаки были размером с мою голову.

Я не думал, что Альфред пристрелит меня при попытке бегства. Даже если бы он и попытался, то промазал бы, поскользнулся на коровьей лепешке и выстрелил бы в свою новую собаку, а потом устроил еще одну двухнедельную трагедию. Но мне почему-то очень не хотелось его расстраивать.

Поэтому я провел в культе еще два месяца. Выход нашел меня сам, в лице того самого кулачистого мужика, с которым мы отправились на охоту. Его звали по-русски — Андрей Сергеевич.

К слову, Альфреда тоже звали по-русски — Альфред Альфредович.

— Слушай, — сказал я Андрею Сергеевичу, — я бы, наверное, ушел отсюда, если бы была возможность.

Он хмыкнул:

— Так уходи.

Я удивился.

— Так Альфред...

— А чё Альфред? Он тебя цепями приковал, что ли?

Он прямо засмущал меня

— Ну не знаю... — Ответил я.

— Хочешь, я скажу, что тебя... не знаю, тигр съел?

Я не знаю как, но он меня убедил. Мы так и условились. Тем же вечером я собрал свои вещи (у меня их не прибавилось, а даже убавилось — Альфред сразу забрал мой блок-

нот. Но теперь, когда я понял, что Жужжалка — это собачий бред, мне, в общем-то, было все равно. Альфреду он явно нужнее), и ушел, пока никто не видел. Не знаю, что там было дальше, но надеюсь, Андрей Сергеевич выполнил свое обещание.

Я даже немного скучал по Альфреду. Еще когда я только выбрался из леса и вернулся в село, я, помнится, прошел мимо того самого компьютерного клуба, где мы с ним то и дело визжали и распугивали местных школьников.

Да, я забыл сказать. Несмотря на то, что Альфред — эдакий лесной отшельник, пророк умирающей планеты, он до дрожи в коленях обожал поиграть в дурацкие браузерные стрелялки. У него был телефон, который он трепетно заряжал от солнечных панелей, разложенных на пне рядом со своим шалашом. Альфред боялся путешествовать в село самостоятельно и каждый раз просил кого-нибудь из самых преданных (или самых терпеливых) подопечных сопровождать себя.

Помню наши первые вылазки. Сперва он только осваивался: сидел на вокзале, в самом дальнем углу, прячась от всех под капюшоном (что, конечно, только привлекало к нему лишнее внимание), подключался к местному вайфаю и часа четыре занимался какой-то херней. Иногда он разрешал сесть с ним рядом, а не напротив, и мы молча листали его ленту. У меня тогда еще не было телефона, и эти сеансы были для меня диковинной роскошью.

Но потом он прознал про «Белку» — местный компьютерный клуб. Он ужасно боялся туда зайти, но желание понажимать на кнопки настоящего, большого компьютера оказалось сильнее. Мне пришлось почти что вести его под руку, как ребенка в первый день школы.

На самом деле, и я сам-то визжал, когда увидел компьютер. На самом деле нас с Альфредом первый раз оттуда чуть не выгнали. И все-таки Альфред визжал сильнее меня.

Короче, вернулся я в город. Все также без паспорта, без биометрии, но с опытом сожительства в коммуне шизиков, четким пониманием, что Жужжалка — это ахинея, и с тотальным непониманием, зачем я вел этот блокнот.

Город встретил меня тем же, чем и провожал: вонью, грязью и равнодушием. Но оказалось, что пока я прыгал по лужам с Альфредом, обстановка в мире значительно поменялась. Беженцы! На вокзале, в подземных переходах, в каждом свободном углу — повсюду толпились люди в этих пыльных балахонах, с испуганными, отрешенными глазами! С десятью детьми на каждого! Я тогда еще не врубился, откуда их столько нанесло. А потом уже узнал, что, оказывается, месяц назад Пан-Тихоокеанская Коалиция начала тотальную зачистку на своих южных территориях. Высаживают десанты, давят биомехами... Вот эти люди — те, кто успел сбежать. А мы, как обычно, принимаем всех с распростертыми объятиями!

Честно? Меня это бесило! Я и так не мог найти работу,

а теперь беспаспортных конкурентов стало вдвое больше! Каждый угол, каждая ночлежка, каждая миска похлебки — за все теперь надо было бороться с этими оборванными ордами. Их было жалко, да. Но себя мне было еще жалче.

Я постарался найти в этом плюсы — и прибил к группе мигрантов на вокзале у элеватора. Постарался сойти за своего. Не знаю, приняли ли они меня в ряды, но по крайней мере не прогнали — я ел с ними и спал целых три ночи.

Долго я тупил в стену. Искал работу. Ее не было. Вернее, она была, но ее тут же сметали. Я уже подумывал вернуться к Альфреду и его баннным оргиям.

И вот в один момент мой глаз зацепился за одного вокзального типа: это был бородатый мужчина, тоже неместный, но сидел он поодаль от моего лагеря. Он тряс какую-то коробочку размером с пачку сигарет, к которой была приделана маленькая пробирка. Прибор пищал недовольно и на экранчике то и дело выскакивало: «*ERROR 07: CALIBRATION FAULT*».

Мне почему-то захотелось его убить. Он судорожно менял пробирки, тыкал в кнопки сброса, сквозь зубы матерился на своем языке. Невыносимо было смотреть на это.

В конце концов, мои любопытство и отчаяние победили. Я подошел.

Хотел что-то сказать, но выдал блестящее «э-э-э» и стал бессмысленно жестикулировать. Он посмотрел на меня, как на отсталого, и определенно был в шаге от того, чтобы по-

слать меня на три буквы.

— Э-э-э... Калибровка. — Выдал я наконец, ткнув пальцем в экран. — Он думает, что пустая пробирка — это грязный образец.

Мужик, Рифатом его звали, уставился на меня.

— А ты как знаешь?

— Не знаю. — Честно сказал я. — Но... дай я попробую.

Он с недоверием протянул мне прибор. Я взял его в руки, и тут во мне что-то щелкнуло. Ой, я уже даже не помню, что я там натыкал! Комбинацию кнопок нажал какую-то. «*MODE + Power*», вроде бы! Подержал секунд пять. Там выскочило меню службы. Я пролистал его, не читая, нашел что-то и подтвердил. Прибор затребовал чистую среду. Я вскрыл новую стерильную пробирку (Рифат с раздражением ткнул мне ее в руку), вставил, че-то там снова нажал. Аппарат тихо зажужжал, на экране побежал прогресс-бар.

Через минуту он пискнул уже другим тоном. На экране загорелось: «*READY*». Я вынул пробирку, просто поднес датчик к воздуху и нажал кнопку. Прибор проанализировал вокзальную атмосферу и выдал, что у нас тут патогенов почти нет.

Рифат потер свою бороду и посмотрел на меня так, будто я только что воскресил его мертвую бабушку.

— Ты кто? — Спросил он. — Откуда ты знаешь сервисное меню?

— Мэлоун меня зовут.

И вот он снова посмотрел на меня, как на дурака.

— Понятно! Ты инженер? Из сервисного центра?

Я снова выдал один из вариантов своей коронной туфты:

— Нет. Да. Не совсем.

Он медленно покачал головой:

— Ладно... И чего ты на вокзале валяешься? Ты нужен в одном месте. «Иголочка» называется. Спросишь Фрейлину, скажешь, что от Рифата. Скажешь, что за пять минут сделал то, за что официальный сервис берет пять тысяч.

Очень меня насторожило слово «Иголочка». Хотя сперва я наивно подумал, что там что-то шьют.

— А где это? — Спросил я с опаской.

— В старом Доме Культуры. Спросишь «швейный цех». Там теперь только они и остались.

В Иголочке и началось все самое интересное, потому что там я познакомился с Фрейлиной и Паулем.

Фрейлина (это у нее такая кличка, мы звали ее Лина Алексеевна обычно, но ее наверняка зовут не так) — наш неукротимый зритель — брала заказы, от которых официальные сервисы шли в панику. В Иголочку свозили разный хлам, и почти всегда это было что-то незаконное — без лицензии, без номеров, без печатей и маркировок. Приносили к нам в основном гибридное барахло. Это могли быть и кибер-скальпели подпольных хирургов, и сломанные анализаторы крови из черной клиники, и какие-то небольшие биомехи даже. В основном, правда, их части — конечности с порванными ис-

кусственными мускулами, блоки управления, вшитые в броню сенсоры. Даже те же Скаты, по сути, летающие биомехи, и их двигатели, частенько оказывались на нашем столе.

Быстро выяснилось, что мои знания лабораторного обслуживания оказались до жути специфичны. Я был бесполезен, когда приносили спектрометр или хроматограф — это было не мое. Моя бывшая специализация крутилась вокруг синтеза и очистки. По сути, всё, что было связано с манипуляцией генетическим материалом, мои руки и голова знали хорошо.

Но я узнал про себя кое-что новое — я, оказывается, неплохо разбираюсь в летальных аппаратах. В скатах.

В «Иголочку» нередко пригоняли угнанных скатов на перепрошивку и починку. В итоге ремонт планеров и двигателей стал основным видом моей деятельности. На этой почве я и познакомился с Паулем — он занимался настройкой нейроинтерфейсов в военных моделях.

Этот проклятый шахид невзлюбил меня с первой секунды, хотя я искренне старался наладить с ним коммуникацию.

В общем, начать стоит, наверное, с его внешнего вида. На улице и на работе я никогда не видел Пауля без этих его тряпок. Он носил облегающую кофту, перчатки, мешковатые штаны и этот его размашистый платок-пончо. Платок этот свисал почти до колен и покрывал его с головы до пят, как колокол. Он никогда его не снимал. Глаза у него были азиатского разреза, один черный, другой — жёлтый и мутный, и

он, наверное, почти не видел. Он был маленького роста.

Он вечно смотрел на меня, как на дебила. Я лез к нему с разговорами, а он отмалчивался или отвечал односложно. Я спросил его однажды, почему он не снимает свою бурку.

— Религия. — Отмахнулся он.

— Какая? — с искренним любопытством спросил я. Поведение Пауля не укладывалось в рамки ни одной известной мне религии.

— Пастафарианство. — Отчеканил он. — Единственная догма, которая есть в пастафарианстве — отказ от догм.

— Чего? — Переспросил я. — Что это за религия такая?

Он посмотрел на меня из-за плеча, театрально вздохнул, будто я оскорбил его религиозные чувства.

— Это древнее учение о ЛММ. Он создал мир спяну, а пираты — его избранные пророки. Глобальное потепление — оттого, что количество пиратов на планете сократилось.

Я, дурак, кивнул с полной серьезностью. Но, черт! Я понятия не имел, что такое пастафарианство! Это слово звучало правдоподобно, и я правда верил, что есть такая религия. Он разводил меня так кучу времени, и главное — лицо его было совершенно серьезно! Хотя, черт его знает, может, он улыбался — он ведь никогда не снимал эту проклятую бурку!

Переломный момент настал, когда он, глядя на группу беженцев-мусульман, пробормотал: «Ходят тут, со своими догмами. А шары ЛММ, между прочим, больше».

Я такой скандал ему закатил, когда узнал, кто такой ЛММ. Я тыкал ему в лицо экраном телефона, требуя объяснений.

Но даже тогда он не отступил — он обиделся на меня, снова сказал, что я оскорбляю его чувства, и что он не издевается, а действительно исповедует пастафарианство. И добавил, что мое неверие как раз и есть проявление догматизма, против которого он борется.

Это был не единичный случай. Он ежедневно выдумывал для меня новую реальность. То уверял, что в детстве его укусил радиоактивный хомяк, и с тех пор он видит в рентгене. То утверждал, что радужки излучают магнитные поля, и поэтому нельзя смотреть на младенцев — мол, их магнитные поля слишком хрупкие. Я клянусь, он подавал это мастерски!

Я обижался на него каждый раз, клялся себе, что больше не подойду, но через час другой прощал. А он, мерзавец, только и радовался этим коротким промежуткам тишины! Будто наша дружба для него вообще ничего не значила.

Ещё я так и не понял, сколько ему лет. Сначала он сказал, что ему тридцать четыре, а через пару дней, когда я переспросил, он заявил, что ему пятьдесят.

Я сперва не понял, зачем это. Если хотел подловить — назвал бы не круглое число. Сказал бы «тридцать восемь». Я бы начал сомневаться в своей памяти и медленно сошел с ума. Но он нарочно сказал пятьдесят.

Но потом я вспомнил, что он сам недавно спрашивал,

сколько мне лет. Я, по наитию, сказал «двадцать пять». А через пару дней переспросил — и я, с той же честностью, ответил, что мне «двадцать семь».

Но я-то, в отличие от него, действительно не знал! Я, конечно, не стал ему этого объяснять, но для себя отметил: этот уродец считает меня законченным кретином. И самое обидное, что, он, похоже, был не так уж и не прав.

Ой, я такое вспомнил! Недавно вообще был случай — просто театр одного меня. Это случилось буквально на днях. У меня в общем есть платок в цветочек. Как я недавно выяснил: это искусственно выращенная биологическая ткань, продукт довоенных нанотехнологий. И она обладает по истине волшебными свойствами: ее можно носить и в жару, и в холод, она легкая и главное — суперэластичная. Seriously, по структуре она похожа на паутину. Ее можно растянуть в несколько раз — можно намотать на шею, как я обычно делаю, можно укрыться ей, как одеялом. Всемнужка, другими словами.

Технология её создания была утрачена во время Кризиса Ксеногенеза. Теперь это штучный, раритетный товар.

Конечно, до прошлого четверга я всего этого не знал. Не интересовался, не задумывался — просто носил с удовольствием. А всё потому, что гребанный Альфред ввёл меня в заблуждение. Увидев платок впервые, он пришёл в восторг и в общих чертах описал его свойства. Сказал, что он дорогой. Хоть в чём-то он не ошибся. А ещё он сказал:

— Такие платки носили знатные девушки в конце 2050-х. Принт у тебя... аристократичный...

Не знаю, что в нём аристократичного. Он жёлтый в розовый цветок. Ну и вот, он выдал главное:

— ...Они называли их фижмами.

Фижмами! Ах, фижмами, Альфред!

Я, идиот, поверил ему, принял это как факт, и с тех пор гордо носил в себе это знание: мой платок называется фижмой. С тех пор я стал называть его по имени. Мог вскользя похвастаться фижмой, упомянуть, что она чуть развязалась и ее нужно поправить. Я не знаю, что думали люди, но теперь мне кажется, что каждый раз, когда я упоминал это поносное слово, я обрекал себя на социальную смерть.

И вот Пауль слышал, как я произношу это слово, ну, по меньшей мере раз в пару дней. Тогда я не замечал, но теперь точно знаю — он каждый раз посмеивался. А я все думал, что же его так смешит! Уж надеялся, что он просто счастлив быть в моей компании!

И вот недавно моя фижма немного порвалась. Она мне очень нравилась, и я подумал, что можно найти такую же ткань и пришить заплатку. Этой мыслью я поделился с Паулем, на что он ответил:

— Я знаю одно место.

— Какое?

— Где фижмы подшивают. Ты иди туда, так и скажи, что тебе на фижму заплатка нужна. Желательно, желтая в цвето-

чек. Ну если такой не найдется — попроси, не знаю... Красную в цветочек. Ну главное, чтобы в цветочек.

Он действительно дал мне адрес. Это был какой-то магазин для шитья, и там и вправду было много тканей. За прилавком там сидел парень, лысый, с татуировками светящимися. Он посмотрел на меня и, едва я сделал шаг, спросил:
— Вам что-то подсказать?

— Да. — Я снял с себя фижму и продемонстрировал ему ее. — Мне нужно заплатку пришить на фижму... Вот тут, смотрите...

Он замер на секунду, посмотрел на меня, потом на платок, потом снова на меня.

— ...Чего?

— Ну, фижма. — Как имбецил, тыкаю пальцем в этот несчастный платок.

Парень медленно взял мою фижму, будто боялся чем-то заразиться, подошел к свету, потер его пальцами.

— Господи, да это же миофибра... — Произнёс он с придыханием. — Раритет эпохи Предвестников. Где вы это... нашли?

— Это моё. — Пробормотал я, сбитый с толку новым словом. Я уже понял, что опозорился, но масштаб катастрофы в полной мере пока не осознал.

— Так вы хотите... *починить* миофибру? — Он издал короткий смешок и улыбнулся. — Её не чинят. Её либо заменяют, либо... носят, как есть. Ремонту она не подлежит.

Меня охватил ужас. Лучше бы я схватил свою фижму и с позором сбежал. Но я решил добить себя окончательно и спросил:

— Это ведь... Она же называется фижмой?

— Она называется миофиброй. Откуда вы вообще взяли это слово?

— Я не знаю! — Чуть не закричал я, в отчаянии надеясь, что силой желания смогу переписать реальность. — Тогда что такое фижма!?

— Мне откуда знать? Интернет вам на что?

На этом моменте я сбежал. Накрутил фижму обратно на шею, ею же вытер подступившие от слезы. Не знаю, почему меня так это обидело — со мной случались ситуации и похуже, но эта задела за живое. Мне захотелось закатить Альфреду истерику, но это было невозможно, и потому я решил закатить ее Паулю.

Забыл упомянуть один «незначительный» момент: когда я устроился на работу, я стал снимать комнату у одной бабки. Там, кроме меня, ютилось ещё человек десять мигрантов, и я съехал оттуда, как только накопил денег. Новая хозяйка — вечно недовольная женщина — показала мне комнату: их в квартире было две, и она вскользь бросила, что у меня есть сосед. Мне было глубоко плевать — я привык жить бок о бок с кем угодно. Один сосед? Не проблема!

Конечно, моим соседом оказался Пауль! Я променял пять балахонов на один ворчливый и без акцента! Как-то так по-

лучилось, что заехал тогда, когда его не было дома. А когда он вернулся и увидел меня — он, кажется, выронил свои продукты, а я — выронил кружку с чаем.

С тех пор мы делили не только работу, но и убогую стабковскую кухню.

Дома он обычно снимал свою бурку. И что я могу сказать — не было в его лице чего-то шибко уродливого: он был обычный азиат, волосы у него были средней длины, жесткие, черные. Разве что кожа какая-то нетипичная — немного в пятнах и шелушилась сильно. То ли в пятнах, то ли в ожогах. Как я понял, болезнь у него какая-то кожная. Поэтому он тряпок с перчатками и не снимал. В перчатках он ходил и дома — но в других, потоньше. И в остальном он не светился — всегда носил водолазки, штаны длинные, закрывал все, что можно.

Как-то раз, по вине своей криворукости, я задел плечом дверь его комнаты. Она была не заперта, и я, извиняясь, мельком увидел интерьер. Там все было типично, убрано, а на матрасе, аккуратно разложенные, лежали... другие тряпки. Десятки. Не только чёрные. Были тёмно-серые, болотного цвета, бордовые. Все — одинакового кроя, все — столь же бесформенные. У него был целый гардероб этих саванов!

Возвращаясь к сути: после пережитого позора в магазине я вернулся домой, чтобы поговорить с ним. Застал его на кухне — он клевал какие-то хлебцы.

— Ты знал! — Выпалил я, дрожа от обиды. — Ты знал,

что это не фижма! Ты всё время знал!

Он улыбнулся — я видел. А потом отвернулся, потому что улыбка его выдала.

— Ты понимаешь, какой это кошмар!? — Не унимался я.
— Я опозорился, как никогда в жизни! Да если бы я знал, что такое фижма...

— Ладно уж... — Он хихикнул. — Ну половил я тебя. Не такая уж и трагедия.

Не знаю почему, но у меня в глазах правда едва не стояли слезы. Для меня это была ужасная трагедия, хотя мысленно я понимал, что ничего катастрофического и впрямь не случилось.

— Да ты вечно так! — Обиженно воскликнул я. — Не трагедия! Еще какая трагедия!

— Ты сам ведешься... И к тому же, фижма — это юбка такая...

— Я уже понял, блин!

— Ну и что? Я бы понял твое негодование, если бы фижмой назывались... скажем... какие-нибудь штуки интимные? Тогда неприятно было бы, да... И это не я тебе внушил, что твоя фижма фижмой называется. Ты сам был в этом уверен.

— Но ты же слышал! Ты же видел, что я так её называю! Ты мог бы поправить!

Я размахивал руками, и мой рукав задел кружку, стоявшую на краю стола. Она с противным звуком грохнулась на

пол, чудом не разбилась и покатила к его ногам. Он посмотрел на нее с каким-то презрением и снова взглянул на меня:

— К чему такие эмоции?

— Потому что это не смешно.

— Это тоже бетон на тебя так влияет?

Дом, в котором мы с Паулем жили, был построен в 2094. И поэтому, как и все дома в нашем районе, он весь был обшит санитарным бетоном!

Мне кажется, у меня какая-то аллергия на него. Иначе я не могу объяснить то, что он жжется. Если я потрогаю стены в подъезде — у меня краснеют руки. Проходит это быстро, но это полбеда. Он гудит. Его нельзя услышать, но это чувствуется — эти вибрации, они не умолкают. От этого зубы болят, и сосредоточиться почти невозможно. И мигрени мои, я почти уверен — дело рук бетона.

Санитарка разрушается, вымывается. Если не дай бог пойдет дождь — она еще и начинает вонять. Я отколупал все остатки корки санитарки в своей комнате. Пауль смотрел на меня, как на сумасшедшего, но мне правда стало лучше.

«Твой бетон».

Как будто это моя личная, выдуманная проблема. Как будто я просто ищу повод для истерики.

Я столько всего про этот бетон вычитал. Хотел найти какое-нибудь исследование и ткнуть им ему в морду, чтобы доказать, что на него бывает аллергия. И, в общем-то, сейчас

Пауль действительно повел себя не лучшим образом, пошутив про бетон: слово аллергия здесь, согласен, неуместна, но то, что бетон влияет на меня — это, черт возьми, факт! И я говорил ему это.

Оказалось, санитарный бетон — это вообще не бетон в привычном смысле. Это композит, который во времена Кризиса в панике лили на стены, чтобы создать хоть какую-то защиту от ползучей биоугрозы. В его состав, кроме всего прочего, входили вещества, которые должны были связывать органику и нарушать клеточные мембраны у любой биологической формы, пытавшейся на нём закрепиться.

И вычитал я еще о низкочастотных резонаторах, встроенных в массу. Их задача — создавать вибрацию, невыносимую для существ с развитым биосонаром. С тех пор как Ауры стали стабильны, их отключили за ненужностью, но... физически они никуда не делись.

И есть такая штука — повышенная сенсорная чувствительность. И она чаще всего наблюдается у индивидов с обширным набором генетических модификаций. Чем больше в тебе «не-человеческого» кода — тем острее твоя нервная система и клетки реагируют на санитарку.

Поэтому я гордо ответил, насупившись:

— Может быть. — Я поднял кружку и с вызовом поставил ее на стол.

Пауль вздохнул.

— Плохой бетон. — Произнес он преувеличенно траги-

ческим тоном. — Все беды от него.

Он снова принялся за свой сухарь или что там он ел. У него был такой вид, будто каждое сказанное им слово давалось ему не легче девятичасовой смены в Африканской шахте.

Итак, я поклялся себе, что я больше никогда к Паулю не подойду.

Несколько дней я с ним и впрямь не разговаривал. А потом случилось то, что случилось.

Сегодня утром нам пригнали очередного Ската. Это был не обычный ушатанный планер. Это была длинная, стрекозиная машина, с матовой чёрной обшивкой. Она поглощала свет. Чувствовалось, что заказчик серьезный. Привезли его люди в строгой, без опознавательных знаков, форме. И разговаривали они очень тихо.

Мы с Паулем особенно не переживали. Лина Алексеевна сказала сделать все быстро и без лишних телодвижений — в прочем, все, как всегда. Задание было такое: перепрошить бортовой комплекс и заменить сломанный сенсорный массив.

Мы кивнули. Пауль уткнулся в терминал, я полез в хвостовой отсек — система маскировки Ската была сложной штукой, гибридом оптических проекторов и биологической ткани, которая меняла цвет. Я нашёл проблему — перегорел основной проводник, питавший биокомпонент. Требовалась замена. Но это было дело пяти минут.

Но мой глаз вдруг напоролся на соседний блок. Я увидел плату, всю в паутине микротрещин. Она явно работала на износ, и ее ресурсы были на исходе. Я же все знал! Знал, к чему это может привести! Деградация покрытия ведет к короткому замыканию! Мои руки сами потянулись к ней — а зачем здесь отсрочка? Чтобы потом клиент снова припер нам этого же Ската и отвалил столько же денег?

— Пауль, — сказал я, — глянь, тут соседняя плата треснула. Я быстренько...

Он не повернулся — я подумал, что он меня не услышал, но вдруг он ответил:

— Не трогай лучше. Не было же сказано чинить.

— Она вот-вот посыплется.

— В следующий раз починишь, когда тебе денег за это заплатят.

— Мне не жалко починить сейчас.

Он обернулся, хмурясь:

— Мэлс, отойди от блока, а? Зачем это самоуправство?

Я уже не слушал его. Меня настигла та самая деструктивная уверенность в собственной правоте, та самая рассеянность — когда я уже не думал, а делал, руководствуясь чем-то свыше. Я просто знал, что так нужно.

И недаром она деструктивная... Искры посыпались внутрь корпуса, и тут же повалил едкий, дым палёной биопластины. По рукам моим пробежалась волна горячего жара. Будто меня ударило током и облило кислотой одновре-

менно. Я дёрнулся, с трудом вытащил ладони — кожа тут же покраснела, пошли волдыри.

Вся система Ската — навигация, связь, управление — разом погасла с тихим загробным писком. Пауль, весь перепуганный, выпрыгнул из кабины.

Потом я уже понял, что плата была не треснувшей. Она была специально повреждена, как часть системы самоуничтожения на случай несанкционированного доступа. Её «трещины» — это были каналы для специального реактива. И я привел в действие механизм, который за долю секунды растворил все ключевые чипы аппарата.

Пауль в общем бросил взгляд на дымящегося ската, потом на мои руки. Он резко развернулся и побежал к выходу из ангара, окликая Фрейлину. Он бесцеремонно выкрикнул, что скат, мягко говоря, умер, и, кажется, еще упомянул, что я обжег руки. Я стоял как вкопанный. Из кабинки донесся голос Лины Алексеевны. Она стала орать на Пауля, требовать объяснений. Пытаться понять, насколько скат умер.

— Значит, он самоуничтожился! — Парировал Пауль. Его голос уже терял испуг и наполнялся оборонной яростью. — Я ж говорил этому кретину не лезть!

Фрейлина, кажется, ему вмазала. А она была Пауля вдвое больше, и к тому же — вместо левой руки у нее была страшная биомеханическая махина. Дальше всё произошло очень быстро. Она выскочила из кабинки, бледная как полотно, с телефоном, прижатым к уху. Она не смотрела на нас, а бегала

вокруг Ската, выкрикивая в трубку отрывистые фразы: «Да, инцидент... Нет, полный... Нет, свидетелей... Разберусь».

Потом она резко оборвала разговор и набросилась на нас, но уже без истерики.

— Выйдите! Возьмите свои вещи из раздевалки и выйдите сейчас же.

— Лина Алексеевна... — Начал я, но она впервые посмотрела на меня прямо. Я не выдержал зрительного контакта.

— Замолчите. У вас есть три минуты, чтобы исчезнуть, пока я не сдала вас как диверсантов. Деньги за этот... эпизод... вы отработаете. Но не здесь и не сейчас. Сейчас просто сгиньте.

Пять минут спустя мы стояли на грязном задымлённом пустыре за ангаром, у ящиков с техногенным хламом.

Пауль, конечно, тут же накинулся на меня. Сначала он спросил тихо, ровно:

— Ты совсем безмозглый?

Я тогда еще не понимал, что Фрейлина прогнала нас *окончательно*.

— Нет... — Ответил я растерянно.

— Нет? — Он уже закричал: — Тогда что, Мэлс!? Это тоже все твой бетон, да? Твой проклятый бетон, твоя проклятая фижма — они мне уже поперек горла стоят! Эта твоя логорея, твои кружки в раковине, твои несчастные подкладки ботиночные...

— Что тебе подкладки-то сделали?

— Да то, что ты вечно оставляешь их ванной, когда чистишь обувь!

— Я не так уж часто ее и чищу.

— Вот именно, твою мать! — Он резко выдохнул. — Эти твои несчастные голубцы, которые ты готовишь три дня подряд! Меня надоело, что ты не помнишь, что говоришь! Что в один день тебе душно, и ты прешь с помойки обогреватель, а на другой день — возмущаешься, что я его включаю! Я же для тебя, олух, его включал! Я пытался! Пытался с тобой ужиться, но ты придурок! Ты сам не знаешь, чего хочешь, — он взмахнул руками, — зато у тебя есть «интуиция»! Зачем ты вообще вернулся в город!? С фанатиками Жужжалки тебе самое место!

Как он только меня ни обозвал. И жертвой инцеста, и европейцем, и про моих родителей кучу всего наговорил. Сказал, в общем, что он меня ненавидит, что я ему жизнь разрушил, что последний шанс у него отнял, что он проклинает меня. Раз пятнадцать он пожелал мне смерти и раза четыре — пожелал подавиться собственной фижмой.

— Я съезжаю. — Сказал он в итоге, не глядя на меня. — Если у тебя есть хоть капля ума, ты сделаешь то же самое. И чтобы я тебя больше никогда не видел!

Я не успел ничего ответить: он развернулся и пошел в сторону дома. Но он, кажется, забыл, что мы живем в одной квартире. Мне пришлось догнать его, несмотря на его последнюю угрозу. Я окликнул его. И он ускорил шаг. В итоге

мы, как дураки, шли друг за другом на расстоянии десяти метров.

Дома он молча, с каменным лицом собрал свои вещи, и не сказав больше ни слова, ушёл, хлопнув входной дверью. Лучше бы он остался, а я ушел. А то теперь я сижу один, среди этого гудящего бетона, и слушаю, как в его пустой комнате скрипят половицы от сквозняка.

Я не знаю, что делать. У меня нет денег, нет документов, меня нет в системе. И друзей не осталось, хотя, может, у меня их и не было...

17.08.2185

Я не рассказывал Паулю, что я ничего не помню. А он не рассказывал мне ничего про себя. В наших условиях это была нормальная практика.

Но, пытаясь подружиться, я плёл всякую чепуху. Сказал как-то, что я родом из Зейского, и что когда-то был инструктором в детской лётной школе. Я не знаю, зачем я это сказал. Возможно, мне просто хотелось иметь хоть какое-то прошлое, даже выдуманное. А в культ я попал — ну... случайно... Пауль отреагировал на это на удивление спокойно (видать, на моем лице было написано, что я вполне мог провести полжизни в секте шизофреников) и сказал, что он родом из ПТК. Что ж, по нему было видно.

Не знаю, почему после моего приземления меня потянуло именно в Хабаровск. Возможно, это мой родной город.

Хабаровск я знаю интуитивно. Ноги помнят повороты лестниц, даже если глаза их видят их впервые. Я знаю, в каком переулке бары, в каком музеи, в каком магазины, где подешевле. Знаю маршруты автобусов, знаю, где найти уцененку, просто чувствую это место телом.

А Зейский... Зейский я пока не проверял, но я чувствую, как там. Я представляю его другим — не таким задымлённым что ли? Там здания ниже, а небо, наоборот, кажется выше. Там тише. И мне от этих мыслей становится одновременно

но спокойно и тоскливо, будто я вспоминаю место, где был по-настоящему счастлив. Или место, куда мне дорога навсегда закрыта.

У меня почему-то Зейский ассоциируется с кофе из автоматов очень.

Так как Пауль покинул квартиру первым, все оставшиеся с ней дела легли на меня. Я созвонился с хозяйкой, сказал, что мы съезжаем, отдал ей ключи. Она наорала на меня, что в квартире не убрано и мне пришлось напоследок все отдраить. И наорала она на меня за то, что я отколупал санитарку. Но простила.

Оказавшись на улице, я, как обычно, забрел в первое попавшееся кафе, чтобы подключиться к вайфаю. Мобильного интернета у меня так и нет.

Пауль рассказал мне, где можно купить одноразовые, чёрные симки. Первые месяцы нашего общения он менял их, как параноик — после каждого серьёзного заказа. Потом, в один прекрасный день, у Пауля появилась одна постоянная. А вместе с ней и мобильный интернет. Он не рассказывал, как, но я же не дурак: видел, как он то и дело, перед выходом в свет, надевал линзы с карими радужками. Свистнул где-то чужую биометрию, сделал как-то накладки, видать, купил себе на чужое имя кусочек жизни.

Так как мне незачем было больше держаться в районе Иголочки, я хотел подыскать жилье в доме без санитарного бетона. Посидел, поискал. Опыта и связей у меня уже

больше, и я увереннее стою на ногах. Нашел по знакомствам арендодателя, списались, все мои нюансы обсудили.

В тот день мне пришлось много кататься на автобусах. Городские автобусы, в отличие от межгородских, я ненавижу. Я не понимаю, куда эти бабки несутся в восемь утра, в два дня, в восемь вечера и в полночь — их количество не уменьшается, не зависит от праздников и выходных. Один раз я даже нарочно подсмотрел за одной такой особой в оверсайзе: она села на автобус, доехала до конечной, распугала всех школьников, а потом вышла и села на тот же автобус, но уже по другую сторону дороги. Что у них творится в головах?

Ехать мне нужно было далеко, так что я забился в самый дальний угол, на задний ряд. Сидел и думал о своем. Но даже там она умудрилась меня достать.

Клянусь богом, я ее не видел. Потому что зачем мне вообще куда-то, кроме окна, смотреть? Но она подошла, завизжала, почти схватила меня за локоть:

— Молодой человек! — Ей по голосу лет сто двадцать, а то и больше. И пахло от нее подобающим образом. — Не стыдно?

Не понял я, за что мне должно было стать стыдно. А вот ей хватать за руки незнакомцев — не стыдно?

— Что такое? — Растерянно спросил я.

Я посмотрел на нее: она была жуткая очень, как кукла разбитая. У нее лицо все испещрено этими дурацкими лазерными шлифовками, поэтому кожа у нее была неестественно

гладкая, но возрастная пигментация никуда не девалась... Волосы у нее тоже неестественно густые, а хуже всего — глаза! Ой, по глазам все мигом ясно стало!

Это еще до Ксеногенеца была такая мода — менять себе цвет радужки на яркие, кислотные цвета. Этот ядерно-зеленый четко дал понять, что я имею дело почти что с мумией.

— Что такое? — Эта пенсия передразнила меня и цокнула. — Встань!

Вот так вот — без «вы», без «пожалуйста». Я бы уступил, мне не сложно, но когда они налетают, плюются в лицо и общаются с тобой так, будто ты и не человек вовсе, хочется с размаху врезать ей без объявления войны. У меня чувство справедливости в такие моменты особенно обостряется. Я не встал.

— Как вы разговариваете? — Спросил ее я. — Я вам что, правнук? Вы меня не знаете. Во-первых, не встань — а «встаньте», во-вторых — «встаньте, пожалуйста», а в-третьих — лучше уж говорить «уступите, пожалуйста»...

Она перебила меня, снова завизжав о своем «как не стыдно!». И некоторые другие бабки стали коситься на меня. Она уже стало было оттягивать меня, и я встал, лишь бы она не трогала меня руками. Глаза у нее, конечно, очень страшные. Вот что за несправедливость: им можно было менять цвет радужки, и они выбирали такие цвета! Да если бы его сейчас можно было менять — я бы точно выбрал не ядерно-зеленый, а что-то более, скажем... пастельное? Хотя я бы вооб-

ще ничего не выбирал! Я не сумасшедший, и меня мои карие уродливые устраивают.

Она материла меня долго, а потом выдала:

— Вот, всю жизнь работала, институт на Марсе строили, а теперь что? — Она закатила свои убудовские глазенки. — Молодёжь пошла! Ни стыда, ни совести! При Путине-то хоть порядок был, а не то, что сейчас! Порядок был, цель была! А потом... этот ушлёпок Жмуриков со своей пассией Железняковой пришли!

Я в осадок чуть не выпал. При каком Путине? Какой Жмуриков? Я ее недооценил: ей лет сто пятьдесят! Это тяжелейший случай: она застала РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ, участвовала в ПЕРВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ МАРСА, сделала себе эти глазенки, ПОТОМ ПЕРЕЖИЛА ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ, КСЕНОГЕНЕЗ, ЭПОХУ КРИЗИСА, и теперь — наверняка до сих пор отрицает существование Комитета общественного спокойствия, и обзывает несчастных КОСовцев полицейскими, или, что еще хуже — РОСГВАРДЕЙЦАМИ? Она же из тех, кто не может представить страны без ПРЕЗИДЕНТА.

Еще одна молодая бабка, что сидела рядом с ней, вдруг подключилась к ее словесному поносу:

— Какой Марс? — она фыркнула. — Тебе лет то сколько? Путина еще до Кризиса не стало! Кому ты стелешь?

— Какой-какой!? Обыкновенный! Я, знаешь ли, остаться там могла. Но муж не отпустил! И вообще молчи! Я при Пу-

тине летала! Руку ему жала! А эти... эти менеджеры в костюмах от «РосБиоХима» всё похерили! Жмуриков этот, гад, ещё на совбесе говорил, что государство — это «неэффективный актив»! Слышала?! АКТИВ! — Она вся тряслась от ярости, — Что уж там «страну»? Уже и слово это выветрилось, опошлилось! Страна — это когда есть кто-то, наверху. Кому можно написать письмо. Кто в ответе за всё. Президент, царь, не важно! А сейчас что? Сейчас все безликие какие-то! Им на нас всех плевать, у них акционеры есть! страна — это когда одна беда на всех! Раздербанили Россию на корпорации... Они же сами вирус и выпустили! А был бы Путин... он бы им всем... показал бы им всем... И никакого Ксеногенеза бы не было. Порядок бы был... — Вот тут она посмотрела на меня так, будто я лично развалил ее Россию, — а самое страшное, что молодежь этого даже не понимает... Для них так и было. Им не с чем сравнить...

— Чего несешь!? — Вторая бабка оглянулась, — Уж о таком бы потише! Это не мы Ксеногенез выпустили, это американцы!..

Они стали спорить, чей же все-таки был Ксеногенез: наш или импортный. Невыносимо было это слушать, просто невыносимо! Я пробрался сквозь толпу, встал поближе к водителю, лишь бы быть подальше. Но я все равно их отлично слышал. В такие моменты я жалею, что у меня превосходный слух. Сто лет уже, блин, как корпоратия... И нет — они все еще ноют. И из-за Ксеногенеза спорят. У старших поколений

вечно так: они пока думают, кто виноват, не замечают, как мир меняется. И приспособливаться к нему, как следствие, не успевают.

Я уже думал, что до нового дома не доберусь никогда. Но я добрался!

В этот раз мне достался домик поновее, стабковский — один из миллиона, которые строили оптом в 50х.

Соседями моими каким-то чудом оказались чистые. Давно я их не видел — с самой, наверное, ночлежки! Их было трое: муж с женой, лет под сорок, и их девочка, лет восьми. Я разок столкнулся с ними в коридоре, и они все разом прижались к стене, пропуская меня, будто я к ним на обыск пришёл.

Как же мне жалко их, особенно девочку. Её зовут Карина. Такая милая, видно — ещё совсем ребенок. Со мной заговорить то и дело пыталась, смеялась иногда так весело. Зубов у неё половины не было.

А взрослые, родители её, Инга и Кай их зовут, конечно, очень расстроились, что я теперь их сосед. Оно и ясное дело... На кухню они теперь заходили с опаской, за Карина — глаз да глаз, посуду им пришлось подписать, чтобы я не дай бог их вилку в руки не взял. Они меня боялись очень, но я с ними сразу поговорил — сказал, что всё хорошо, и я буду относиться к ним с уважением.

Ну жалко мне было их очень... Я вообще не понимаю: о чём думали люди, которые в 25-м отказались от базово-

го иммунного пакета? Как можно было сознательно выбрать столько проблем? Они же слышали, что случилось с Европой! Они видели, как полмира превратилось в генетический суп! Неужели было не страшно?

Я читал об этом. В 125-м же люди впервые столкнулись с Ржавейкой. У тогдашних людей она лёгкие съедала за неделю. Человечество, черт возьми, чуть не вымерло! И тут приходит спасение — «Базовый Иммунный Пакет». Не какое-то там «улучшение», а жизненная необходимость!

И они... отказались. Добровольно, по идеологическим соображениям. «Бог создал человека по образу и подобию», «мы не хотим стать мутантами». Я это всё читал. И что выходит? Своим отказом они стали опасными, стали плодить новые штаммы. Каждый чистый — разносчик новых зараз, которые могли убить уже нас, модифицированных.

И, если я не ошибаюсь, в 35-м их лишили права на размножение. Жестоко... Но что с ними было делать? Оставить плодиться и множить угрозу? А выселить всех — значит, просто убить.

И вот результат! Спустя полвека — Карина. Ребёнок, обречённый на жизнь впроголодь, на вечный страх, на болезни, на отторжение. Она никогда не сможет поступить в институт, получить нормальную работу, выйти замуж. Её род прервётся на ней.

И сейчас им уже никакой стандартный пакет не поможет. Потому что стандартный пакет нужно было делать тогда — в

двадцать пятом. Их бабушкам и дедушкам. Сейчас уже мир другой, и мы другие. Одного пакета им будет мало, а новый специально для них никто разрабатывать не будет.

Эта девочка еще вечно картинки рисовала и вешала их на холодильник. Я один раз застал ее за этим делом, спросил, что она рисует.

— Единороги, — ответила она, — А вот тут еще единороги. И травка здесь. Мама говорила, она зеленая.

Она огрызками какими-то рисовала, и мне вдруг стало горько от того, что у нее даже карандашей нормальных нет. На следующий день, перед работой, я купил ей пачку карандашей, красок, ластиков и всякого такого. Вернулся с работы ночью, оставил все это дело на кухне на их половине стола.

На следующий день меня смущенно отблагодарила Инга. Мы переговорили с ней так по-доброму, и меня вдруг осенило: им санитарный бетон бы определенно пошел на пользу. А старая хозяйка сдавала комнату и всяким таким, вроде меня, так что и им бы сдала. Хотя одну из комнат я уже отковырял...

А теперь по поводу работы. Я решил, что не хочу углубляться в криминальные круга — не знаю, что-то мне не по себе от всех этих историй. Я готов был найти работу низкооплачиваемую — мойщик посуды какой, грузчик, что угодно, лишь бы наличными платили, без биометрии, и лишь бы не криминал. Мигрантов меньше стало, и шансы мои повысились. И я увереннее теперь стою на ногах.

Оказалось, что недалеко от дома моего недавно открылся бар. Он определенно не соответствовал необходимым санитарным нормам, но уже пользовался большой популярностью, во многом потому, что располагался он еще и недалеко от студенческой общаги, а цены в нем были приятно низкие. Открыл его какой-то молодой парень, и сделано там всё было на коленке. Вместо столов там были стальные бочки, а вместо стульев — ящики, а свет — это перекрашенные УФ-лампы для дезинфекции. Все внутри отливало сиреневым трупным свечением.

Я его сразу заметил — его маргинальный вид дал мне слабую надежду. И что сказать — мне повезло. Хозяин, парень по имени Стеша, выслушал мою историю с биометрией, почесал щетину и сказал:

— Ну, ясно... Бывает, наверное? — Он махнул рукой в сторону зала. — Первый месяц поработаешь так. Потом, если приживёшься, решим вопрос с процентами от выручки. Официально, ясное дело, никак. Решишь вопрос — устроим, как надо.

Первое месяц — уже хорошо! Завтрашнего дня может и не быть!

22.08.2185, 03.43

Не знаю я, что со мной творится.

Вчера в баре был особый ажиотаж: все-таки моя первая рабочая пятница. Мы с моим коллегой — парнем лет двадцати, Кристофером — работали вдвоем за стойкой. Уже даже в восемь вечера сюда столько народу навалилось, что мы в четыре руки не успевали наливать. Тысяча морд тыкались в стойку! И попробуй запомнить каждого! Мы то и дело менялись: сперва он обходил столы, потом я. В этом свете, в этом шуме, хоть помри! Seriously, сегодня было особенно шумно — меня просто разрывает на части, учитывая, что я и тихие звуки слышу. И лязг стаканчиков этих, и обрывки диалогов, и как у нас колонка кряхтит, и как лампы гудят.

Кошмар. И эти пьяные придурки думают, что я их не слышу и нарочно кричат погромче. Или своими мокрыми пальцами тычут в экранчик, не попадая по кнопке, блин! Некоторые кретины, пьяные в щи, ещё ныть умудряются: «братишка, а можно налом?». Нельзя, блин, нельзя! Меня злость берет!

Где-то в десять вечера в бар втиснулись две девочки. Каким-то чудом они пробились к стойке как раз в тот миг, когда один из тех, кому я наливал уже раз двадцатый, на секунду отошёл. Они вдвоем запрыгнули на его бочку.

Не знаю, как я буду это рассказывать. Постараюсь быть с

собой честным до конца, ведь пишу я для того, чтобы хоть как-то в себе разобраться.

Две девочки — совсем юные. Одна из них — с лицом абсолютного ребенка, ей, ей-богу, на вид не больше четырнадцати! Круглые щёки, нос пуговкой, тонкие запястья и наивные-пренаивные глаза. Смуглая, вся в веснушках, а волосы — светлые, почти жёлтые. Стрижка у неё интересная: спереди короткие волосы, все разной длины, а сзади — длинные в косе. И вот эти передние пряди выкрашены в ядовито-розовый.

Её подруга будто отобрала у нее всю взрослость. Высокая, фигуристая, с длинными каштановыми волосами, взрослая на вид, но по глазам видно — тоже совсем девочка, просто лучше маскируется.

Когда я их увидел, у меня внутри что-то ёкнуло. Я никогда их не видел, они никого мне не напоминали! Но было чувство, будто я вот-вот их узнаю, а они — меня. От этого становилось и страшно очень, и до жути хотелось, чтобы это случилось.

Но они не узнали меня. Конечно, с чего бы? Мы незнакомы. А я смотрел на них и испытывал... что-то наподобие дежавю? И это — не десятая часть того, что творится во мне сейчас.

Их зовут Арабелла и Ханна. Я это уже выяснил.

Так вот, едва они уселись на бочку и схватили меню, я, сбитый толку всеми этими внезапными чувствами, совсем

завис. Кристофер толкнул меня локтем и прошипел, чтобы я шел обходить столики. Я вылетел из-за стойки, как ошпаренный. Собирал пустые стаканы, подносил новые, а сам всё искал их взглядом. Мне почему-то было важно, чтобы они не исчезли из моего поля зрения, поэтому я вернулся к стойке так быстро, как только смог.

Вернулся — а они уже делают заказ. Кристофер тыкает в терминал. Ханна, та, что постарше, прикладывает палец к сенсору — и ей уже есть восемнадцать! Арабелла тем временем беззаботно хохочет, болтая ногами! Видать, у Ханны только вчера был день рождения, и вот они уже здесь. Алкоголички малолетние!

Вот даже сейчас, когда я это пишу, мне не по себе. Почему мне не всё равно? Я за эти дни стольким несовершеннолетним налил, что сбился со счёта! Почему сейчас — не всё равно?

От стойки они так и не отошли, так и сидели на бочке. Они опрокинули **ПО ПЯТЬ ШОТОВ КАЖДАЯ**. Хохочут, под музыку покачиваются, о чём-то своём болтают. И Арабелла, размахивая руками, с ухмылкой говорит такая Ханне: — Да это же вода, просто вода!

Меня от этих слов чуть не затрясло. А я, потому что пьян, на них, не успеваю обслуживать других. Кристофер меня ругает, по рукам бьёт. А я в этой суматохе, среди рёва музыки и пьяного гомона, ловлю каждое их слово! Я не хотел! Я понимал, что не должен! Но не мог с собой ничего поделать!

Я не хотел, чтобы они напивались. За них было до ужаса страшно. Они пришли сюда одни. И куда они потом пойдут?

Они начали кричать: «повторите, повторите!». Уже руками ко мне потянулись, стали орать громче — я же, блин, на-верное, их не слышу!

Когда наливал, у меня руки тряслись. Будто что-то ужасное делаю, неправильное.

Через час они уже готовые были. Уже на стойке обе развалились, и все не унимаются — заказывают ещё и ещё. Арабелла упала головой на стойку, голову чуть ко мне повернула — и стала смотреть пристально-пристально, щурясь. Будто пыталась узнать, честное слово! Ханна приподняла ее, подтянула к себе. Они обнялись, стали во все горло подпевать нашей хриплой колонке. Арабелла чуть с бочки не упала. А у них ещё восемь шотов стояли.

В какой-то момент Арабелла снова рухнула на стойку.

— Всё в порядке? — Выдавил я, косясь на Кристофера. Тот лишь пожал плечами: мол, обычный вечер, обычное дело. Он не торопился переживать. — Хорошо себя чувствуете?

— За-ме-ча-тель-но! — она резко подняла голову. — А что? А чего тебе? Какие-то вопросы? — она выгнула бровь, пытаясь посмотреть на меня сурово, но с ее лицом получалось это получалось смешно. — Какие-то проблемы?

— Какие-то про-об-ле-мы? — эхом подключилась Ханна, обнимая её за плечо и грозя мне пальцем.

Они говорили это в шутку, по интонации было видно. Но это был главный вопрос дня.

Да, проблемы. Со мной. И я понятия не имею, что с этим делать.

Я растерялся, и при этом мне ещё хватило ума ответить:

— Вам восемнадцать то есть?

— А что, — рассмеялась Ханна, — не видно, что ли?

— День Рождения отмечаете?

— Еще чего! — Взмахнула рукой Арабелла. — Поступление!

Ага, я так и понял. Не сомневался.

Они допили, встали, оплатили счёт и куда-то исчезли. Я потерял их, и ещё час работал в тревоге и в то же время бил себя по голове — я не понимал, откуда эта тревога берется! А потом они вернулись! Снова пробрались к стойке и заказали картошку фри! И ещё четыре шота!

Арабелла смаковала эту картошку прямо перед моим лицом! И снова рассматривала меня. Ну точно: вот-вот же узнает! Но не узнала!

Они снова ходили по бару, поболтали со всеми. И снова вернулись на место. Времени уже было до черта, бар начинал пустеть — а они все пили и пили.

Очень меня напрягала компания типов, сидевших тут с самого вечера. Там трое были. Не сказать, что какие-то бандиты, но на девчонок они моих (МОИХ? ВОТ ЗАЧЕМ ТОЛЬКО Я ЭТО СЕЙЧАС НАПИСАЛ!? НЕ МОИ ОНИ,

НЕ МОИ ДЕВЧОНКИ!.. стараюсь быть честным, быть честным...) смотрели очень недобросовестно. На Ханну, которая уже еле сидела, и на Арабеллу, которая раскисла на стойке.

Я сделал вид, что протираю эту несчастную стойку, снова наклонился к девочкам:

— Вам, может, пора? — Тихо спросил я. — Компания за соседним столом... вами слишком интересуется.

Ханна лениво повела взглядом в ту сторону.

— А, пусть смотрят. Мы красивые!

И она снова потянулась за шотом.

И я опять взглянул на тех мужчин: у них на столе уже куча пустых рюмок было. Я подошел, чтобы забрать. Честно! Но я, сам того не ожидая, выдал, да еще и так грубо, так принципиально:

— Не надо на них засматриваться.

Они переглянулись, и один из них спросил меня:

— А это чё, твои?

И я, недоумок, ответил:

— Да.

Одно это слово обожгло мне горло. Я забрал их рюмки, ушёл за стойку. Вот зачем я только это сказал?

Прошло ещё минут сорок. Бар почти опустел. У меня все это время дрожали колени, и вообще — я будто и не здесь был. Девочки переместились от стойки за свободный столик. Уже близилось закрытие, и у нас было много дел, поэтому следить за ними я просто не успевал.

Та компания, похоже, вообще проигнорировала мои слова. Когда я отвлекся, они тут же очутились у их стола, и, уже не спрашивая, стали поднимать их под локти, говоря что-то про такси, про «подвезти» и тому подобное. Они были последними посетителями в баре, и Кристофер, увидев, что они собираются уходить, только обрадовался и принялся гасить основной свет.

Дальше я вообще не думал. Я сорвал с себя этот долбаный фартук, швырнул его на стойку, вылетел из-за неё и крикнул Кристоферу:

— Закрывай без меня!

Я догнал их уже у выхода, на узкой лестнице из нашего полуподвала. Как полоумный я заорал:

— Эй! Отвалите от них!

— Ты опять? — Один из них обернулся на меня. — Сам отвали. Девочки говорят, что тебя не знают.

Я не помню, что было дальше. Кажется, я толкнул его. Или он меня. Ханна, которую второй тип почти нёс на себе, вдруг съехала по стене и села на ступеньку. И начала плакать. Арабелла опустилась рядом с ней, приобняла ее и сказала:

— Забей... не плачь, хорошо же все... и общага уже скоро откроется...

Общага откроется! Понял!

Этим дурам некуда идти! Они, две пьяные в хлам девочки, планировали гулять до утра!

Мужики те плюнули, когда Ханна плакать стала, и отста-

ли. Не знаю, отчего именно она плакала, но ее слезы и мои напускная ярость на пару с дебилизмом нас определенно спасли. Я стоял на лестнице, переводя дух, а они так и сидели на ступеньках

— Вы с ума сошли. — Сказал я просто. Мне даже кричать не хотелось.

— Не сошли! — Обиженно фыркнула Арабелла. — До шести не так и много времени осталось... наверное...

Я вздохнул устало, и пока я всем видом зачем-то строил из себя ответственного взрослого, Арабелла вдруг спросила, как меня зовут. Я представился, они представились в ответ. Что-ж, теперь мы хотя бы знакомы.

Мы вышли на улицу. Я решил, что поведу их домой, ибо другого выхода здесь не видел. Тогда я на мгновение перестал быть в шоке от себя, потому что перепалка с мужиками потрепала мне нервы. И все-же проблески осознания неадекватности ситуации стали мелькать в моей голове в моменте, как я взял их обеих по руки.

Потом Ханне приспичило в туалет, и мы остановились у круглосуточной шаурмечной.

Пока она была в уборной, мы с Арабеллой стояли у фонаря. Она перманентно несла какой-то бред и вешалась на меня.

И вот, пока мы ждали, она снова почти вцепилась в меня, а потом встала напротив и вдруг выставила обе руки, ожидая, что я сделаю тоже самое. Я вытянул. Она посмотрела на меня

внимательно и, сделав очень серьезное лицо, хлопнула меня по ладошке и сказала:

— Летели!

Ну, что сказать? Она пьяная. Я хлопнул ей по ладошке в ответ:

— Дракончики.

Она очень обрадовалась почему-то.

— Ели!

Я знал эту игру: «летели дракончики, если батончики, сколько батончиков съели дракончики?». Есть еще версия с лебедями, но она мне меньше, наверное, нравится. Не знаю! Я никогда об этом не думал! И ни разу за весь свой осознанный год в эту игру не играл. И тем не менее, я ответил «дракончики», почти не думая. Вот тоже: почему, блин, имени я своего не помню, а «летели дракончики» помню на ура? В общем, я ответил:

— Батончики.

И она просто засияла от счастья, но вдруг замерла.

— Батончики? — Переспросила она. — Почему батончики?

Я не совсем понял ее вопроса. Да и откуда мне было знать?

— А как правильно?

— Правильно «батончики»!

— Так в чем дело?

— В том, что на самом деле правильно «пончики». «Батончики» — это папа мой придумал... для меня...

— Что? Нет, клянусь, я всегда говорил «батончики».

Когда — всегда? Всегда — это никогда! Ни разу я ни говорил ни «батончики», ни «дракончики»! Но я же не вру! Откуда же это должно было взяться!

— Жесть! — И она снова улыбнулась пьяной всепрощающей улыбкой. — Никто, блин, «батончики» не говорит!

Я привел их домой. Они перепугали соседей своими пьяными голосами и те наверняка стали думать обо мне хуже. Я хоть и старался сделать глубоко-печальные глаза, глядя на Ингу, которая высунулась из-за двери вся сонная и перепуганная, но, мне кажется, она не поняла моего юмора. Ханна уснула почти сразу, а Арабелла еще какое-то время буянила, а потом улеглась рядом с Ханной (они вдвоем были на моей кровати), но ночью благополучно упала на пол, потому что места не хватило, и она ворочалась. Впрочем, она даже не проснулась.

И вот теперь я сижу тут, в углу, а рядом спят две пьяные девочки. И я понятия не имею, зачем я сюда их притащил, и что я скажу им завтра.

22.08.2185

Я ненавижу себя. Весь сегодняшний день, уже почти весь день себя ненавижу.

Я, конечно, отдал девочкам кровать и одеяло. Сам лег на пол, укрылся своей фижмой, укутался в ней с головой. Спрятаться мне очень хотелось куда-то. Я все больше понимал, что сделал что-то очень странное, что моя реакция совсем неадекватная, что я какой-то странный, какой-то не такой.

И это ведь правда. Я действительно странный. Со мной такое ведь уже не в первый раз. На людей у меня такой бурной реакции не было, но что насчёт всего остального? Пауль был прав насчёт меня. Я очень переменчивый. Сперва с криками болею за какую-то футбольную команду, а на следующий день говорю, что футбол никогда не смотрел. А потом мне плевать на него становится. Или по улице иду вроде в одно место, а прихожу в другое. Почему? Не знаю. И все эти чувства бешеные — к местам, к еде, к запахам, иногда даже к каким-то словам. Будто все это отголоски моей прошлой жизни.

Не знаю даже, может я умер? И знал этих девочек в прошлой жизни, но теперь не могу узнать их, а они не могут узнать меня.

Зачем я тогда переродился? Не бывает ведь никакого перерождения. Ничего не бывает после смерти, но как тогда

все это объяснить?

Очень просто объяснить. Тем, что я сумасшедший.

И я себя за это ненавижу. Лежал и плакал, как дурак, в эту свою несчастную фижму. Будто фижма эта — это единственное, что у меня осталось.

И я никогда-никогда ее никому не отдам. Я один раз со злости швырнул ее на пол. Мне очень жаль. Я правда очень люблю ее.

Я старался плакать бесшумно, чтобы девочек не разбудить. И почему только тяжело так? Ненавижу себя просто, я себя ненавижу! И лучше бы никогда-никогда этого платка у меня не было! И меня бы лучше не было. Никогда-никогда.

Весь этот мой приступ самобичевания отошел на второй план, когда, спустя где-то два часа, девочки проснулись. Разумеется, их обеих (что удивительно — почти одновременно) потянуло блевать. Арабелла и близко еще не протрезвела, а Ханна, кажется, уже начинала приходить в себя и осознавать, что находится в квартире у незнакомца в критическом состоянии. Она стала смущаться, почти не смотрела на меня и несколько раз извинилась.

Арабелле, кажется, и вовсе не было стыдно. Она сама меня разбудила. Стала тыкать меня пальцем, как говно палкой, чтобы сообщить мне, что она собирается блевать. И зачем дети это делают? Зачем они вечно прибегают в спальню к родителям, чтобы сообщить эту новость? Не знаю почему, но во мне, видать, проснулись какие-то инстинкты: я проснулся

после первого ее тыка и понял ее с полуслова, хотя говорила она очень-очень невнятно, и вообще сказала что-то типа:

— Эй, чувак! — она еще такое смешное движение руками сделала, чтобы я точно понял, что слово «чувак» она употребляет не всерьез. — Эй, чувачок... Тазика для блевания не найдется?

Я провел этих дур в ванную до того, как Арабелла успела сделать свое дело. Они споткнулись о собственную обувь в прихожей, подняли шум. Я все смотрел на дверь в комнату своих соседей и уже думал, как буду отмаливать все эти свои грехи перед Ингой и Каем. В туалете (он у нас был совмещенный) Арабелла упала к унитазу, а Ханна опустила голову в ванну.

Ханна впала в какой-то трансовый ступор. Её долго не выворачивало, в отличие от Арабеллы, которая, несмотря на скромную комплекцию, выдавала звуки, словно двухсоткилограммовый мужик, съевший на спор четырёхметровую вокзальную шаурму, по которой проползли полчища инфигированных улиток.

Я наблюдал за их агонией и все думал, как бы помочь — хотел побежать на кухню, поискать пластырей, сорбентов каких-то или хотя бы корней жевательных, но не тут-то было.

Я уже собрался идти, но краем глаза заметил, как по плечам Арабеллы стекает что-то густое и темное. Поначалу я решил, что это рвота — либо она умудрилась облевать сама себя, либо это дело рук Ханны, дико промахнувшейся мимо

унитаза. Консистенция была та же тягучая и мерзкая. Только цвет смущал — слишком глубокий, почти черный. В темноте я хоть и отлично вижу, но цвета различаю слабо.

А потом эта жижа зашевелилась.

Она стала собираться в тесто поплотнее, вытянулась на ее спине, почти обрела какие-то очертания, и я бы даже сказал — приподнялась на ее плечах. Это нечто все увеличивалось в размерах, вытекая из-под ее одежды, а Арабелла будто и не замечала. Ханна действительно не замечала — она обнимала белый трон.

Тогда я щелкнул выключателем — не потому, что испугался, а потому что меня съедало любопытство, хотя, наверное, стоило бы испугаться. Но мой марафон неадекватных реакций, видать, только начинался. Мне нужно было это увидеть.

Девочки застонали от света. И оно — тоже зашипело, но очень тихо.

Оно было черно-фиолетового цвета с перламутровыми прожилками и в моменты напоминало чернильное тесто. И это тесто самопроизвольно густело, разжижалось, растекалось лужей, чтобы тут же стянуться в плотный валик вдоль ее шеи и спины. У него не было ни глаз, ни рта, ни конечностей — если не считать тех выростов, которые оно то отращивало, то втягивало обратно.

В голове моей перемешались шок, отрицание и идиотский стыд: ванная-то общая с соседями (еще и чистыми!), а по ней сейчас растекается Чужой из древних американских филь-

мов. Я смог выдавить только одно:

— Э-э... это что?

Наверное, стоило звучать возмущеннее. Или хотя бы внятнее. Но хочу немного оправдаться: я очень устал, хотел спать и все еще страдал от мысленного потока.

Арабелла и Ханна обе подняли головы и не удивились ничуть. Ханна тут же отвернулась назад к унитазу, а Арабелла вздохнула:

— Это Шмулик, блин! — Она махнула рукой, и по Шмулику пробежала рябь. — Вот ты, Шмулик, уродец!

— Какой, к черту, Шмулик? Он что? Он симбионт?

— Типа такого... Он это... типа... тектоспинные, слышал?

Ну что-то я знал про тектоспинных. Знал, что их миллион видов, и мы дай бог описали десять, так что никто в здравом уме не вступает с ними в симбиоз. Я посмотрел на Арабеллу, на ее тупые, безрассудные глаза и спросил строго, стараясь звучать, как ответственный взрослый:

— И давно у тебя... Шмулик? И как ваш симбиоз?

Мне каждый раз стыдно, когда я стараюсь звучать, как ответственный взрослый, потому что я не ответственный, и мне иногда кажется — я и не взрослый вообще. Лгать я совершенно не умею, и поэтому в итоге звучу, как плохо прописанный герой пятнадцатисекундных скетчей в интернете, который слегка переигрывает.

— Наш симбиоз отлично... — Тут она икнула. — Только

иногда этот гад бросает меня в тяжелые моменты... Вот, например, как сейчас...

— Вы нас простите, пожалуйста, — вступила вдруг Ханна, вся позеленевшая, — за этот визит, за Шмулика...

— Шмулик, если что, ничего не переносит и агрессии не проявляет. — тут же добавила Арабелла.

— Я-то Шмулика не боюсь. — Признался я. Правда, этот жидкий слизень казался мне почти милым. Я почему-то очень злился на Арабеллу, но на самом деле, если бы я где-то нашел себе такого Шмулика и вычитал бы про него побольше, я бы, может, и сам вступил с ним в симбиоз, — Просто там, в соседней комнате, семья чистеньких... Шмулика можно как-то... спрятать?

— Думаю, он заползет обратно, когда я протрезвею.

— Обратно — это, боюсь спросить, куда? Я не слишком много знаю о... Шмуликах... Не говори только, что он сливается со спиной...

— Не сливается. — Она фыркнула и посмотрела на меня так, будто я что-то совсем идиотское спросил, — Скорее прикрепляется...

— Это не больно?

— Не-а, щекотно скорее.

Мы замолчали. Ханну наконец вырвало.

— И какой это вид Шмуликов? — Спросил я, скрестив руки на груди. Мне было немного неловко, что я стою здесь над ними, как надзиратель, но уйти я почему-то не мог. Что-

то держало.

— Да хер его знает... — Она с трудом приподнялась, опираясь на край ванны, — Я нашла его у нас в Лесопарке. Он был маленький, как комок грязи.

Лесопарк-лесопарк... Вот тут я очень призадумался.

— Это в Зейском? — Спросил вдруг я.

— Ага, — кивнула она, — А ты там был что ли? Лесопарк — это рядом с Академгородком...

Я пока оставил этот вопрос без ответа, потому что у меня вдруг немного закружилась голова. Я еще раз посмотрел на Ханну, которая согнулась над унитазом в три погибели, и сказал, что схожу пока на кухню, поищу сорбенты. Мне действительно хотелось им помочь, но разговор о Шмулике сбил меня с мысли, а теперь, когда Арабелла упомянула Зейский Академгородок, мне почему-то стало не по себе. Мне захотелось куда-то отойти.

Лесопарк — это ведь закрытая территория. Вроде бы, закрытая.

Минут через двадцать их на время отпустило, и они снова вернулись в комнату. Арабелла — вместе со Шмуликом. Он теперь болтался на ее плечах.

Я все же решился спросить:

— Арабелла, — Начал я неуверенно, — Лесопарк — это ведь территория при ЗНАКе?

— Угу... — Промычала она, — Ну... Там еще Институт эпигенетики и ксенобионики...

— Я знаю. У тебя кто-то работает в ИЭЖе? Раз вы в Лесопарке гуляете.

— Папа... — ответила она неохотно.

— Папа... — Зачем-то повторил я и задумался, — А кем он работает?

— Ой, — Она вздохнула, — Я, честно, не помню, как его должность называется...

— А чем он занимается?

— Много чем... Ну, знаешь, может быть, ты слышал про мобильные платформы? Это не просто танки-вездеходы... Это, типа, выездные лаборатории на шести гусеницах. Огромные такие, как дома. Так вот, мой папа — он за рулём. Только это не как на тракторе покататься. Там... — Она задумалась, — Там же в зонах всё ползает и шевелится. И земля может внезапно разверзнуться, или эти... лианы-душители наброситься. Он должен всё это чувствовать, понимаешь? Чувствовать, куда можно проехать, а куда — нет. А ещё у них там учёные сидят, они всё сканируют и кричат такие: «Налево!», «Направо!», «Там образец!». И он должен их слушать, но и сам думать, потому что они иногда такое прикажут... Он не водитель, а типа лощман... Только плавает не по морю, а по этому... по супу. Вozит ученых этих... в говне моченых, блин... в самое пекло и обратно...

Я был искренне поражен, и не скрывал этого. Арабелла заметила мою реакцию и тут уже выпрямилась она. На ее лице проступил румянец гордости:

— Да уж, знаю! — Она фыркнула, но было видно, что ей приятно, — Многие удивляются... Он крутой, конечно, только вот дома он вечный паникер. Сам ездит в экспедиции, а меня после десяти гулять не пускает!

— Он волнуется... — Сказал я с какой-то досадой. — Ты у него, наверное, единственная дочка...

Она мне ответила что-то невпопад и отвернулась.

Я очень устал эмоционально. Когда девочки утихомирились, я снова лег на пол, коленки к себе поджал и попытался уснуть. Попытался — потому что со сном у меня всегда было странно.

Вообще, я сплю очень мало. Четыре часа — и мне хватает. Просыпаюсь отдохнувшим, с ясной головой. Знаю, что есть модификации на сокращённый цикл сна, но они на дороге не валяются. Может, я от природы такой?

За год я много чего за собой подметил. Мелкие повреждения — порезы, ссадины — заживают у меня как у всех. Но если рана серьёзная... Недавно вон я обжёг ладони. И два дня не прошло, как все сошло. С глубокими порезами, думаю, та же история. С переломами и оторванными конечностями не проверял — и, если честно, проверять желанием не горю.

Ещё я отлично вижу в темноте, хорошо чувствую тепло, прекрасно ориентируюсь. Слух обострён до предела: мир никогда не умолкает, а мой диапазон шире обычного. Обоняние тоже порой до муки.

И я вообще не уснул, хотя был бы не против поспать. Потому что уже вот-вот наступило бы утро, и потому что, как только я лег, мне в голову снова ударила моча.

Я все никак не мог перестать думать о Лесопарке и Академгородке. Это страшно пугало меня, и в то же время я надеялся что-то вспомнить. И я даже, можно сказать, что-то вспоминал: какие-то отдельные обрывки, пейзажи, факты, но я не видел в этих обрывках своего участия. У меня так со всем: почему-то все мои знания ощущаются так, будто я вычитал их из толстого справочника, выучил все это на зубок, но никогда не применял их на практике. Хотя как это возможно, если речь идёт о воспоминаниях, скажем, пейзажей Лесопарка?

Я же откуда-то это знаю, значит, я там, наверное, был. И всё-таки мне казалось, что я скорее на экране компьютера эту картинку видел, а не в жизни. Но при этом всем я помнил запахи, звуки! Как такое вообще возможно? Только благодаря отменной симуляции!

Мне иногда кажется, что я сидел в бункере с младенчества. В бункере, с бесконечным источником знаний. И я только и делал, что на тренажёрах гиперреалистичных обучался.

Не смог я уснуть, вернулся в ванную. Сел там на табуретку, посмотрел на себя в зеркало. Ну у меня, конечно, и рож — просто кошмарный сон! Мне часто снились сны, где у меня выпадают зубы, и я смотрю на себя в зеркало — и губы

все в крови.

Так вот, в тех снах я выглядел лучше. Мозг, видимо, отказывался проецировать на экран сна такое уродство — ему не хватало фантазии. Он рисовал меня опрятнее, симметричнее, чтобы кошмар состоял в потере, а не в обладании.

Честно, если бы я такого на улице встретил, морду сразу бы ему набил. Так, без причин, просто, чтобы не расслаблялся. Хуже не станет. А может и лучше станет. Если в глаз себе дать, он бы опух, и симметрии бы прибавилось. Жаль только, что ненадолго.

Я сел на табуретку и заплакал снова. Потом взял бритву и хотел сбрить себе виски и вихри на затылке, подумав, что смогу прикрыть все это дело нормальными волосами. Я волосы длинные достаточно ношу, потому короткие бы подчеркнули мою редкостную асимметрию. Слава богу, я вовремя опомнился — представил, что закрыть ничего волосами не получится, и у меня на башке будет сиять Байкальское озеро.

Я не нашел другого выхода, так что я отложил бритву, снова сел на табуретку, снова заплакал.

Потом мне, видать, надоела эта истерика, и я решил предаться другой — ведь мало того, что я страшный, я вдобавок ещё и ужасно тупой. И если с первым жить можно, то со вторым — уже сложнее, потому что глупость моя напрямую влияет на людей, которые вынуждены находиться рядом.

Я наконец открыл глаза и обнаружил, что весь пол в ван-

ной покрыт Шмуликовской слизью. Он ведь не просто сидел. Он тек, капал, оставлял осадок. И главное — я видел всё и до этого, но в силу своей волшебной безответственности не придал этому никакого значения.

Точнее, я как бы подумал об этом. Но подумал одним полушарием. Как это часто бывает — люди слушают одним ухом или смотрят одним глазом, а я — думаю одной половиной головы. Потому что вторая думает о том, как я себе рожу разбиваю во имя симметрии.

И вот сейчас я в полной мере осознал, что натворил. Мне стало так страшно, так совестно до тошноты, что я начал метаться по нашей крошечной ванной, как подстреленная обезьяна. Если Кай и Инга ступят на этот пол, это определённо не закончится ничем хорошим. Хотя и ступать на пол им необязательно. Я уже подверг их опасности. Я представил, как утром у них у всех отказывают органы, они покрываются сыпью изнутри, отращивают себе хитиновые панцири или разжижаются в тесто, как Шмулик.

У меня не было гипер-дезинфектантов. Ни флакончика. Ещё бы! У меня же нет чистых знакомых, о которых нужно заботиться! Был у меня только спирт и вонючая тряпка.

Не знаю, чем я думал, но я принял решение выйти и отправится на поиски дезинфектанта. Я не знал, насколько разумно оставлять девочек одних, но подозревал, что это дебильный поступок. Поэтому я влетел в комнату, подёргал их за плечи и сказал что-то типа:

— Девочки, — Ханна вроде бы проснулась, — Я на улицу выйду, скоро вернусь. Не уходите никуда.

Я выбежал из дома и, как ненормальный, стал искать ближайшую аптеку. Хочу отметить, что я ни на секунду не забывал о том, что у меня нет биометрии. Но это не останавливало меня — я, видать, верил в чудо. Думал, что надо мной сжалятся и продадут этот чертов дезинфектант.

Черт, они ещё стоят так дорого!

Напомню, что было пять утра. Все аптеки с живыми продавцами были закрыты, а живой продавец был моим единственным шансом. С ним я хоть как-то мог попытаться договориться — заплакать, начать биться головой о столик. Но открыты были только аптечные боксы. Времени у меня было немного, и я, обежав все живые аптеки в районе, все же закончил у одного из боксов. Там горел слабый свет и никого не было.

Не знаю, на что я надеялся. Я подошёл к экрану, пролистал все эти дезинфектанты. Здесь можно было даже оплатить наличкой! Главное — палец приложить!

Я знал, что будет, я проходил это уже тысячу раз. Почему во мне вообще до сих пор живет какая-то надежда на то, что в один момент это все кончится?

И я принялся тыкать пальцем в этот долбанный датчик. Раз за разом он выдавал мне всю ту же ошибку, кричал, что биометрический профиль не найден. А я всё тыкал и тыкал — уже в каком-то отчаянном припадке, сильнее, быстрее.

На экране замигал красный значок: «ПРЕКРАТИТЕ МАНИПУЛЯЦИИ».

Я съехал вниз, прислонился лбом к этому ящику.

Не знаю, сколько я здесь просидел. Я сполз почти на пол, поджал колени и полулёжа смотрел в одну точку. Знаю, что мне стоило убираться отсюда — здесь были камеры, и я раз пятнадцать нажал на эту несчастную панель, так что какой-нибудь ответственный ИИшка уже мог слать сигнал тревоги. И всё же я разлёгся, как бездомный, замотался в платок до самых глаз, как чумная старуха, и почти начал тихонько раскачиваться. Не знаю, сколько времени прошло — может, двадцать минут, может, час.

Потом дверь открылась, но я не шевельнулся. Пусть придут. Если это комитет спокойствия — так даже лучше. Сдамся, скажу, что меня нет. Посадите меня куда угодно, хоть в обезьянник. Лишь бы хоть немного тихо было, и лишь бы кто-то уже наконец решил, что со мной делать. Я даже глаз не поднял, уже мысленно ощущая пинок под ребро.

Этот некто сделал пару шагов, а потом остановился. И вдруг — голос:

— Ты че, издеваешься?

Это был Пауль. Я тут же поднял голову, чтобы в этом убедиться: и это определенно был Пауль... Либо любой другой шахид с похожим голосом.

Он посмотрел на меня так уничижительно, с таким презрением... и остановился в паре шагов, а потом вздохнул и

подошёл к терминалу. Я валялся прямо у его ног, так что его стоптанные ботиночки оказались почти на уровне моего лица. Я все-таки принял чуть менее постыдную позу и сел на пол, отвел глаза.

И его мне здесь не хватало! Будто нарочно судьба пинает меня, когда я уже лежу.

— Привет, Пауль... — Сказал я расстроено. Мне всё ещё очень горько было от того, как с ним получилось.

Я думал, он проигнорирует, но он ответил ничуть не радостнее меня:

— Привет, Мэлс.

— Быстро мы встретились.

— Надеюсь, больше никогда не увидимся.

Я обхватил колени руками. Заслужил, все заслужил! Пауль все листал аптечное меню. Долго он его листал, будто картошку жареную по промокоду найти не мог.

— Как твои дела? — спросил я хрипло.

Он на секунду оторвался от экрана. Его взгляд скользнул по мне — и, в частности, по фижме (я до сих пор в неё замотан!), по моим выбившимся из-под неё нелепым кудрям, по всему моему жалкому виду.

— И чё ты тут валяешься? — Спросил он вместо ответа. — К кастингу на социальную рекламу готовишься? Об антипривочниках?

— Дезинфектант хотел купить. — Пробормотал я, уткнувшись лбом в колени. — Гипердез... Для соседей. Как

твои дела?

Он снова вздохнул с превеликим утомлением.

— А что, твои соседи тебя уже не выдерживают? А насчет моих дел можешь сам догадаться. Если уж я в четыре утра стою в аптеке, так еще и ты тут...

Он снова ткнул в экран, выбрал что-то. Потом приложил палец — я внимательно смотрел, как он это делает, и он, кажется, сам беспокоился, потому что рука его чуть дрожала. Пауль прищурился — экранчик грузился — и вот, система его приняла. Он стал копошиться в складах своей бурки, вытащил купюры, затолкал их в терминал. И сразу несколько ячеек распахнулись с громкими щелчками. Одна из них ударила мне прямо в шею.

Пауль стал быстро сгребать свои лекарства из открывшихся ячеек. Он вообще двигался очень резко и дёргано.

— За спиной у тебя твой дезинфектант. — шикнул он, пока я растирал шею. — И прекрати валяться.

Я обернулся: в ячейке, что больно врезала мне, действительно был флакон дезинфектанта. Пауль уже рванул куда-то на выход, но я быстро встал и окликнул его:

— Пауль, — Я все еще по-идиотски держался за шею, — Постой ты... Сколько с меня?

— Сколько? — Он уже стоял у двери, но все же обернулся, — Заплатить хочешь? Ну давай, заплати.

Он назвал мне цену, и я стал искать по карманам купюры.

— Ты нашел новый дом? — спросил я, пока мог, — Где

ты теперь живешь?

— Нашел. Тебе какая разница? В гости зайти?

— Я живу на Командорской. — Выпалил я, сам не зная, зачем. Может, надеялся, что он запомнит, — Это не так далеко.

Он вроде бы и смотрел на меня, а вроде бы и не слушал. Потом он как-то странно, неуверенно, оперся на стену, постоял так и встряхнул руками резким, судорожным движением.

— Ячейку закрой. — Ответил он мне.

Я нагнулся, чтобы толкнуть дверцу ячейки. В это время он, видимо, решил побыстрее от меня сбежать и потянулся к ручке наружной двери. И промахнулся. Он просто схватился за пустоту сантиметрах десяти от нее. Потом снова потянулся и снова промахнулся.

И так четыре раза.

Эти его движения здорово напугали меня. До этого момента, мне казалось, что он относительно в порядке, разве что руки у него подрагивали.

Но хочу сказать, что у него всегда дрожали руки, и вообще он вечно дергался. Но не суметь схватиться за ручку четыре раза подряд — это действительно страшно. Так что я закрыл ячейку и обеспокоенно спросил его, все ли с ним хорошо, на что он, конечно, мне не ответил, наконец успешно открыл эту чертову дверь и вышел на улицу.

Я выскочил следом, уже решив про себя, что не буду лезть,

если он побежит от меня галопом. Но он не побегал. Он стоял на лестнице, придерживаясь за перила.

— Эй, — Снова окликнул его я, — Ты в порядке?

Он не смотрел на меня, а бешено бегал глазам по улице, как будто она вся была усыпана минами.

— Ячейку закрой. — Снова повторил он.

— Э-э... — Протянул я, как идиот, — Я закрыл... Пауль, твоя биометрия... Она хорошо работает?

Не знаю, зачем я это спросил. Пауль обернулся и посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. Его мозг явно потратил пару лишних циклов, чтобы обработать мой вопрос и связать его с текущей ситуацией. Наверное, это я и хотел проверить.

— Что? — Переспросил он с искренним непониманием. Не возмущенно, не саркастически. Потом он помолчал немного, помотал головой и продолжил уже серьезнее: — Моя биометрия... работает ровно настолько, чтобы открыть ячейку. А что? Есть сомнения?

— Нет сомнений...

— Что тебе нужно?

— Я... — Я замялся, помахал перед его лицом деньгами, — Я хотел отдать. За дезинфектант.

— Кого отдать?

Не шучу, он спросил это, глядя прямо на купюры в моих руках. Я притянул деньги обратно к себе и посмотрел на него вопросительно:

— Ты че, тоже пьяный? — Спросил я в лоб. Но я был более чем уверен, что он трезвый. От него не пахло пьянством.

— Отстань от меня. — Сказал он почти жалобно и, опираясь на перило, пошел вниз по лестнице. — Ты можешь перестать орать?

— Я не ору.

— Тогда просто замолчи.

Я не мог спокойно смотреть, как он спускается. Он шел, будто резко заболел чем-то вроде Паркинсона — иначе я не мог объяснить эту рассыпающуюся походку крошащегося деда. Вроде бы спустился, вроде бы ступил на асфальт...

И вдруг — просто сложился пополам и упал.

Я не думал, что это случится так резко. Он не споткнулся, не поскользнулся — просто грохнулся плашмя.

На мгновение я даже подумал, что он просто умер. Я тут же подбежал к нему, попытался приподнять.

— Отстань от меня. — Снова повторил он, даже не подняв головы.

— Да что с тобой твориться? — Спросил я испуганно, но уже с облегчением: жив хотя бы. Хотя на что это похоже? Лежит на асфальте в пять утра и бормочет «отстань»!

— Не ори... И не трогай меня.

Сказать, что я был в ужасе — ничего не сказать. Я думал, что эта ночь не может стать хуже, но у судьбы были другие планы. Моя черепная коробка превращалась в титановую кастрюлю с протухшим супом из лопухов и щавеля.

Я попытался коснуться Пауля, но он застонал, будто я ножом его режу, стал ругаться и ныть, что ему больно. Как никак, я все же приподнял его и взял под руку.

— Слушай, — Сказал ему я, — Я не могу тебя тут оставить. Утром меня уберешь, окей?

Он не шевелился. Похоже ему действительно было больно. По пути он не говорил почти ничего, а когда я уже затащил его в дом, и мы зашли в лифт, он вдруг спохватился и стал вырываться. Я отпустил его.

— Куда ты меня? — Спросил он.

— Домой.

— Куда?

— К себе домой.

— Командорская? — спросил он спустя пару секунд.

Я поморгал удивленно и кивнул — совсем я не понимал, что с ним все-таки происходит, но он точно был не в себе.

Когда мы вышли из лифта, он вдруг ломанулся куда-то в сторону. Я схватил его за капюшон и потянул на себя. Он оживился, стал материть меня и моих родителей, плевать желчью, и все же я затолкал его в квартиру.

Мы ввалились с грохотом. Пауль тут же скатился вниз по стене и осел на обувном коврикe, натянув капюшон на глаза, как я некоторое время назад свою проклятую фижму.

— Ты уж прости, — Сказал я, громко всхлипнув от ярости, — Прости, что не оставил тебя на улице, Пауль! Вот так-кой вот я! Последняя сволочь!

Он вообще не посмотрел на меня. Он, кажется, бешено осматривал комнату — угол, двери, тени, плинтус — но я в тот момент не придал этому значению. Потом он приподнялся и, цепляясь пальцами за стену, пополз к ванной. Я всё жужжал у него над ухом, предлагал помочь, но он даже попытался толкнуть меня, правда, сам чуть от этого убился.

В туалете он попытался сесть на край ванны, пошатнулся, и мне снова пришлось его прихватить. Он заорал так, что не проснуться было невозможно:

— Руки убери, я сам!

Мне пришлось выйти, но дверь он оставил открытой. Я сел у стены, коснулся ладонями пола и побледнел — эта чёртова Шмуликовская слизь была даже здесь, в коридоре. Скоро уже будет светать. Мое сердце бешено заколотилось — теперь, когда здесь ещё и Пауль, я вообще не знал, с чего начать. Поэтому я начал с пустословия:

— Слушай, — просипел я, пока он шумел своими тряпками. — Я не знаю, что с тобой происходит, я вообще ничего не понимаю, но мне правда очень стыдно. За ската, за всё. За голубцы мне тоже стыдно. Я об этом уже который день думаю. Я правда надеялся, что у тебя сложится всё хорошо. Я, наверное, другом тебя считал... Знаю, что ты меня, скорей всего, нет...

Пока я нёс этот бред, я сидел спиной к ванной. Видел только его суетящуюся тень на стене и слышал звуки: как он открывал свои лекарства, как шумит вода... ничего необычно-

го.

А потом дверь напротив резко скрипнула. Из неё выглянула Инга. Наши взгляды встретились — мой отчаянный, её до ужаса испуганный. Она, посмотрев на меня и на Пауля, громко ахнула и тут же захлопнула дверь. Я не успел ей ничего сказать. Да я и не знал, что говорить.

Мне стоило как можно скорее начать оттирать пол от слизи. Я уже подскочил, чтобы хватить тряпку, но, обернувшись в сторону ванной, застыл. Пауль стоял, прислонившись к раковине. Он снял часть бурки, оголив руку от локтя до запястья, и пытался вколоть себе что-то в вену, удерживая жгут в зубах. Кожа с его руки слезала лоскутами — будто его облучили радиацией, ей богу. Пальцы его ужасно дрожали, и я не знаю, как и куда он собирался попасть. Чтобы не смущать его (или, чтобы этого не видеть... А я ужасно боюсь этих всех уколов), я в то же мгновение отвернулся.

Впрочем, стало все еще хуже: ровно в ту же секунду в коридоре появилась Арабелла. Она неслась в туалет, сломя голову, и Пауль ее не слишком смущал. Я попытался ей что-то крикнуть, но она жестом показала, что лучше ее не останавливать. Вломившись в ванную и почти перескочив через меня, она чуть не добежала — и ее вырвало на пол.

Пауль уронил уже пустой шприц и почему-то перепугался до одури. Он вылетел из ванной, споткнулся об меня, привстал, но долго не пробежал. В итоге он сел спиной к двери моих бедных соседей и закрылся руками, будто мы с Ара-

беллой собрались его коллективно избивать.

Я присел на корточки напротив него.

— Ау... — сказал я ему так мягко, как только мог.. — Ну чего ты? Скажи мне, что такое? Чего ты боишься? Это же просто девчонка... Она не опасная, чего ты так её испугался? Ну вырвало ее тебе в ноги... Ну, она перепила очень... С ней всё ясно, а с тобой что?

Я попытался осторожно, одним пальцем отвести его руку от лица. Он вздрогнул, но не оттолкнул — опустил руки и устоялся в пол где-то у моих колен.

— Что ты себе вколол? — Спросил я, уже почти шёпотом, — Ты хоть понимаешь, что делаешь?

— Понимаю. Это... чтобы успокоиться...

— И как, ты... успокаиваешься?

— Успокаиваюсь.

У нас с ним сегодня разговоры были особенно интеллектуальные.

Я посмотрел краем глаза в сторону ванной, где Арабелла, судя по звукам, вела неспешную, борьбу с унитазом, и глубоко, с дрожью, вздохнул.

Девочки, Пауль, слизь на полу, соседи за стеной!

— Я могу... — Я облизнул губы от волнения, — Я могу постелить тебе в комнате. Но в комнате спит ещё одна девочка. И эта тоже вернётся туда, как закончит. Хорошо? Они не страшные. И там сам их не пугай, пожалуйста. Все тут напуганы, и я в особенности...

Он сначала не отвечал, а потом сказал таким тоном, будто я его часами у этой стенки мучил:

— Только не ори... ладно?

Следующие полчаса я сутился, разрываясь между ними тремя. Ханна проснулась от шума, и ей пришлось объяснять, что все в порядке. Хуже того — она уже почти протрезвела и даже попыталась предпринять попытку уйти. Когда я разложил их всех в своей крошечной комнате и убедился в том, что они все успокоились, я, уже еле стоя на ногах, пополз в ванную. Открыл флакончик и стал обливаться все поверхности дезинфектантом. Это было долгое дело — наносить его нужно очень тонким слоем, а потом он засыхает и превращается в пленку, которую сухой тряпкой убирать нужно. Я залил им все — полы, полки, ванную с унитазом. Хватило мне его в самый притык. Потом я и в коридоре стал его наносить. Все, что от него осталось.

Я мало сплю, но глаза мои слипались. Я ждал, пока пленка подсохнет и, кажется, так и уснул.

24.08.2185

Я проснулся через пару часов от того, что Пауль, спасаясь бегством, поскользнулся на застывшем дезинфектанте. Было грустно, что он ушел — мне очень хотелось с ним поговорить.

Проверив, что девочки мирно похрапывают в моей комнате, я решил закончить с уборкой. Мне было тяжело отогнать нахлынувшие чувства — стыд за всё содеянное, страх, беспокойство. Поэтому, вычистив туалет и прихожую до блеска, я пошел на кухню, пока Инга с Каем еще не проснулись.

На моей половине было почти пусто. Я пожарил яичные хлопья и стал прикидывать, с каким лицом лучше кормить ими девочек. Не скрывать, что мне стыдно, или держаться бодренько? Преподнести хлопья так, нарочно показав, что я самый нищий из нищих, — мол, запомните этот завтрак, другого такого у вас не будет.

В аптечке у меня была целая дюжина горькушек. Я прихватил их в комнату вместе с едой и стал ждать.

Первая, где-то в девять утра, очнулась Ханна. Она меня очень стеснялась и всё порывалась разбудить Арабеллу, но та никак не хотела вставать. Так что Ханне пришлось остаться. Она немного поела, а потом стала жевать бодун-палочки и сплевывать их крайне стеснительно. Мне тоже было не по себе. Я не знал, о чем с ней говорить и как себя вести. От

этой вопиющей неловкости я, сам того не заметив, тоже стал жевать бодун-палочку, и понял, что она у меня во рту только когда стало вязко. Ханна, наверное, теперь думала, что я тоже мучаюсь от похмелья и подбухиваю на рабочем месте.

Я должен был как-то развеять эту скуку:

— Так это... — Промычал я, — Вы студентки, я правильно понял?

На самом деле мне очень хотелось прочитать ей мораль о том, что не стоит так пить, но я сдержался.

Ханна отвела глаза и стала крутить волосы.

— Фактически еще нет... — Она улыбнулась, — Учеба с первого сентября... Мы вчера с Арабеллой приехали в город и заселились в общежитие. Отмечали первый день взрослой жизни.

— И на кого поступаете?

— На биофак. — Ханна оживилась, будто только и ждала этого вопроса. — Ксенобиология и генная инженерия. Будем работать с новыми видами, разрабатывать протоколы внедрения...

— И вам только исполнилось восемнадцать?

В моем тоне, кажется, все же промелькнуло мое неистовое желание начать читать мораль. Пришлось закашляться, чтобы она забыла.

— Арабелле на самом деле еще семнадцать.

Я зачем-то взял еще одну горькушку. Не такие уж они и мерзкие, если привыкнуть.

— А можете напомнить, пожалуйста... — Ханна совсем смутилась, — Как вас зовут?

— Мэлоун. Но лучше просто Мэлс. И лучше на «ты». Я не старый.

— Интересное имя. Что оно значит?

Я бы мог сказать ей правду — про блокнот, про Жужжалку, про то, что я просто ткнул пальцем в первое записанное в этой святой реликвии слово, и с тех пор решил, что буду так называться. Но это звучало бы безумно. После событий с Альфредом я, бывало, вспоминал, что выбрал себе имя из расшифровок, и испытывал эмоции крайне неопределенные. Лучше бы я выбрал себе имя в журнале «Драгоценные камни» или «Гороскопы на февраль». Или подсмотрел на этикетке от консервов — «Лосось тихоокеанский». Но моей вины в этом не было! Вина лежала на ненормальном авторе святого блокнота. Я бы с удовольствием вышел с ним на пару слов, если бы знал, кто он такой. Я все-таки надеюсь, что он не появляется каждый день в моем зеркале.

И я не уверен, что я правильно произношу это слово. Там было написано: «MALONE».

— Это мама выбирала. — Сразу решил я дать жару, — Так звали ее первую любовь. Когда ей было двенадцать... — Я немного осекся, — Она влюбилась в парнишку шестнадцати лет. Он умел играть на флейте и, по ее словам, делал это так профессионально, что птицы весной умолкали, чтобы не прерывать его симфонию.

— Птицы умолкали? — Переспросила Ханна с сомнением.

— Представляешь? — Я сам уже начал верить в эту историю. — Мама говорила, что однажды соловей упал с ветки в обморок, потому что не выдержал конкуренции. Ну и, короче, она называла меня в честь этого чувака.

— Понятно... А что, у твоей мамы с тем парнем не задалось?

— Он был совсем нищий. Поэтому нет.

Арабелла начала ворочаться, и Ханна — тут же бросилась ее будить. Шмулик соизволил прикрепиться к спине Арабеллы только после того, как она сжевала все горькушки. Потом они отблагодарили меня, попрощались и убежали восвояси.

А потом мне пришлось ползать на коленях и просить прощения у Инги и Кая за то, что я устроил им судную ночь. Я понимаю, что такое нельзя простить. Они очень боялись выходить из комнаты. Кай настаивал на том, что им нужно уезжать. И они действительно уехали. По моей рекомендации — в мой старый дом, обклеенный санитарным бетоном.

Потом я снова пошел на работу. В тот раз обошлось без страшных происшествий. Работа за стойкой очень непростая... И сейчас я снова собираюсь на работу. Очень странно себя чувствую. И очень хочу взять отгул, но уже вроде оделся...

26.08.2185

Недолго я наслаждался одиночеством.

Ко мне заселилась семья беженцев. Из шести человек. Разумеется, я не запомнил их по именам. Они не особо-то и пытались представиться. Никто из них ни черта не понимает по-русски, зато орать на своем бусурманском они горазды!

Муж и жена, бабушка и трое детей. Самый старший парень — где-то мой ровесник, как я понял. Еще девочка и мальчик — лет пятнадцати и десяти. Все они втиснулись в одну комнату. И на кухне они не скромничали.

Никакой «моей половины кухни» больше не существовало. И теперь на кухне никогда не бывает пусто. То бабка колдует над кастрюлями и читает какой-то реп арабский по ощущениям, если я просто захожу за водой. То жена орет на детей.... Муж в основном молчит, но иногда орет на жену, занимает стул и сидит на нем часами, томно поглядывая в окно. Дети носятся, падают, орут, визжат, смеются и плачут. Все это — в восьми квадратных метрах. Я пытался быть вежливым. Кивал, улыбался, вежливо пытался объяснить, что третья полка в холодильнике — она моя, но все бестолку. Даже показывал на нее пальцем, потом на себя, потом делал страшные глаза. Но ничего не помогло.

А в пять утра бабка начала шептать за стенкой. Я сначала думал, что начал сходить с ума, но потом сообразил — она

молится. Хорошо, конечно, Паулю: наверное, макаронному богу не нужно молиться. Там же нет никаких догм. А тут — в пять утра вставай, шепчи, пока соседи не озвереют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.